

Задонский паломник

№ 30 2003 г.

По благословению епископа Задонского Никона

ПРАВОСЛАВНЫЙ АЛЬМАНАХ ЗАДОНСКОГО РОЖДЕСТВО-БОГОРОДИЦКОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ

Остава любовителювати, что делается в том или другом месте; озабочена уметь, при помощи слова Вакхия, что делается в душе твоей, к какой ты идешь окончательной цели, к посылке или ко спасению, на каком пути ты находишься, на пути ли праведных или на пути нечестивых?

Святитель Михаил Задонский

В НОМЕРЕ:

ВЕНЕЦ ЛЕТА БЛАГОСТИ ТВОЕЯ.

Проповедь епископа Задонского Никона

НАСЛЕДИЕ СЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО

«Лодка»

РАЗДЕЛЯВШЕ РАДОСТИ И СКОРБИ

Из воспоминаний величником свт. Тихона

ИСТОРИЯ МОНАСТЫРЯ

Часть 22. «Труды во славу Господа нашего»

ЮРОДИВАЯ ДОМНА КАРПОВНА

ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ

Из воспоминаний о схимонахидре Виталии

ХРИСТИАНАМ

О ХРИСТИАНСТВЕ

Из бесед с Кавказским пустынником.

«Будьте аки дети»

ПОДВИЖНИКИ

ЗЕМЛИ ЛИПЕЦКОЙ

Иоасаф, старец Оптовский

НАГОРНАЯ ПРОПОВЕДЬ

Заповеди блаженства

ВОЗВРАЩЕНИЕ

ПРАВЕДНИКОВ

СХИМГУМЕН МИТРОФАН

Рассказывают паломники

ВЕЛЬМОЖИ ЦАРЯ НЕБЕСНОГО

ХРИСТИАНСКАЯ ПОЭЗИЯ

и другое...

Аще кто хощетъ по мне ити, да отъвержетъ себе и возметъ крестъ свой и по мне грядетъ.

(Мф. 10, 24).

ВЕНЕЦ ПЕТА БЛАГОСТИ ТВОЕЯ

праздником вас, дорогие, отцы, братья и сестра!
Благослови, Господи, ведь лето благодати Твоея.

Сегодня – новый год, церковное новолетие. В этот день мы вспоминаем нашу жизнь – прошедшую и настоящую. Жизнь до нынешнего дня, нынешнего церковного нового года – это наш старый путь. А новый – это тот, который мы сейчас проходим. Составляя их, мы видим, как изменилась наша жизнь; и люди стали другими, и ландшафт, преобразуются города, села, появляется новая техника. И наше отношение к происходящему – совсем другое. Мы считаем, что все старое – это пережитки прошлого, а мы живем сейчас в век техники, электроники, кибернетики, в век глобализации. И живем уже другими чаяниями, у нас иные желания: чтобы не было в мире границ, не было разделения конфессий, партий, различия в деньгах и чтобы Церковь была единая. И когда она объединится во всем мире?... Это чаяния современных людей.

Но не всех, потому что есть среди нас «консерваторы», которые все же соблюдают предания старцев, устои наших предков, стремятся жить, как жили они: посредством молитвы, любви, добрых дел, почитания старших, трепетно относятся ко Господу, святыням и всему тому, что связано с Богом, храмом.

Но прогрессивное человечество живет по-другому. И мы сейчас считаем себя в какой-то мере «прогрессивными»: налагаем на лицо косметику, стрижем волосы, ходим полуобнаженными. У нас уже другие духовные запросы, нежели раньше. И если мы видим «людей из прошлого» – не накрашенных, с длинными волосами, в причинной одежде, людей, крестящихся на храм, на кладбище, имеющих крест, иконы, ходящих в церковь – то считаем их дик-

Проповедь епископа Задонского Никона.

*Владимирский собор,
наमित при Симеоне Столпнике
14 сентября 2003 г.*

ми, заколдованными людьми. И, конечно, мы их не принимаем, ведь они укоротят нас своим облаком. Их внешний вид как бы нас облачает: «А зачем ты так живешь, одеваешься, говоришь, смотришь? Почему у тебя другие ценности?»...

Одна врач-гинеколог хвалилась своей профессией, была просто влюблена в свою специальность. Но сколько она убивала детей! Однажды она видит во сне: будто стоит на вер-

копучителям и идеологам – старым, новым: «За что вы нас убивали? За что вы убивали весь род человеческий, особенно православный род!» Брат восстал на брата, муж на жену, дети на родителей. За что вы нас убивали для Царства Небесного? Ведь мы, живя в ногу со временем, не сможем наследовать жизнь вечную блаженную. Мы мертвецы, нас убивали: убивали для молитвы, для общения с Богом; убивали, разрушив все святое, вырвали из души Господа, заполнили наши души разной скверной через телевидение, через прессу, через интернет. Мы стали ходячими трупами. Почему же мы сейчас не понем к этим убийцам?

Это с одной стороны; а посмотрев с другой – видим, что мы сами, добровольно, своей свободной совестью шли и делали то, что нам говорили. Мы не сопротивлялись богоборческому учению и идеологии, мы увлеклись построением «земного рая», помогали и были соучастниками борьбы против «пережитков прошлого», против «черносотенного духовенства» и всех тех, кто мешал строить мнимый, призрачный, иллюзорный «земной рай», прокладывая «новый путь».

А когда он начался – этот «новый путь»? Наверное, с 1905 года, когда произошла первая революция, когда появились интеллигенты, агитеры и все те агитаторы, которые поднимали рабочий и крестьянский класс на борьбу против Бога, против людей, гнувших Его и в Него верующих. Что это принес этот «новый путь» каждому человеку? Одины скорби и лишения, слезы и кровь. Православие хотели сломать, разрушить, потопить в океане крови. Но все разрушители и революционеры были постраданы. И сейчас они живут в беззастенчивости и бесзастенчивости, видя, что Церковь Христова неодолима. Хотя бы и весь ад поднялся на борьбу с Церковью, – ее, по сло-

ху горы, а у подножия – множество окровавленных младенцев. И все тянут к ней руки и спрашивают: «За что ты нас убивала?» Этот вопль несет к ней со всех сторон. В ужасе проснувшись, она и в бодрственном состоянии все равно слышала: «За что ты нас убивала?»...

Также и мы сейчас можем вопиать к Сталину, Ленину, Карлу Марксу, Фридриху Энгельсу, Герзелю, Фейербаху и другим философам, за-

вам Христа¹, не одолеет никто. Она всегда жива и действительна.

Что такое Церковь Христова? Это общество людей, верующих в Господа, крестившихся во Христа, соединяющихся с Ним в таинствах и получающих от Него благодать Святого Духа. И место этой благодати так велика, что все силы ада трещат и трясутся, не смея взглянуть на крест, на его силу. Это признают все: и сатанисты, и атеисты, и коммунисты. Они видят, знают, чувствуют: благодать Божия велика.

Вы помните, как царь Иудиван отступил от воспитания в христианской среде, пошел затем против Христа. Он знал, что никогда не победит Бога, но когда Меркурий поразил его копьем, он, смешая свою кровь с землей, в ярости кинул ее вверх, крикнув: «Ты победил меня, Галилеянин!» — так он ненавидел Христа.

То же самое происходило и происходит в России. Те, кто продал душу дьяволу, знают: неодолима вера христианская. Господь никто никогда не сможет победить. Поэтому и Церковь Христова непобедима. Но находится такие, как Кашпировский, который говорит: «Как же я жажду выпить крови Христовой!» Этот человек продал душу дьяволу. Когда он был в Белоруссии, его спросили:

— Вы крестны?

Он ответил:

— Нет.

— А почему Вы не креститесь?
— Я боюсь потерять силу, которая находится во мне.

Значит, какая сила в нем находится? — дьявольская. А в нас — сила Божия. Сами мы немощны, но сила Божия в немощи совершается. И ею мы только и живем.

В России были замучены сонмы святых праведных христиан, старцев, духовников. Народ шел путем страданий в испытаниях, ведомый людьми-слепцами. Но Господь открыл нам глаза. Он воздвиг среди православных старцев и стариков, которые помогали людям оп-

ределиться в жизни, указывали, за кем идти, кого почитать. Господь не оставил нас.

В Добринском районе, в совхозе «Первомай» был такой случай. Озвни бесноватый юноша посреди площади ногой забрался на памятник Ленину, обвил его и сидит. Мать умоляет:

— Виктор, сойди отсюда!

— Если сделаешь земной поклон — сойду.

Вы понимаете, кто заставлял мать класть земные поклоны перед памятником? И кто заставлял нас кланяться и ходить на встречу с демоном — на демонстрацию? «Стражица» — греческое слово, обозначает «встреча». Значит, «демон-стражица» — это «встреча с демоном».

Мы все это пережили, через все это прошли, все помним. И не оставляем прежнего пути! Были времена, когда кто-то всех требовали идти одной дорогой. Но сейчас нас никто не заставляет, не принуждает, не контролирует: идем ли мы в храм, на площадь или в какое-то другое место. Так почему же нас так мало — тех спасающихся, которые желают общаться с Богом, соединиться с Ним в таинствах, молитвах, службах? Да потому, что остальные увлеклись миром, прелестью этого мира и отрицанием Бога. Но когда что-то не получится или совершается какой-то природный катаклизм — они проклинают Бога зато, что Он послал им это. Все те, кто воюет против Господа, знают, что Он есть. Если бы

Его не было, они бы и не воювали против Него.

Но Господь еще милует нас — велико милосердие Божие. Вспомните: когда Авраам умолял Бога, пришедшего к нему в виде трех Ангелов, не наказывать Содом и Гоморру, Господь согласился помиловать развращенные города, даже если в них окажется всего пять праведников. Так, вероятно, и сейчас на земле осталось небольшое количество православных людей, и ради них Господь еще милует весь мир. А ведь когда Он только пришел на землю, уже говорил с возмущением: «О, роде лукавый и презрительнейший, доколе буду в вас и терплю вас!» (Лк. 9, 41).

Что же сказать о нас? С тех пор прошло две с лишним тысячи лет, и мир все более и более идет к разрыву и погребению. Какими мы сейчас предстоим пред Богом? Это просто чудно, что Господь еще долго терпит нас и не убирает с лица земли Своей карающей десницей! Но это образно говорит: «Господь карает». В действительности такое положение бывает, когда от человека отходит Бог, и подступают бесы. В книге у Серафима Роуза описывается случай, когда душа при клинической смерти вышла из тела, и ее встретили демоны. Они стали ее так мучить, что душа не знала, что делать и как избавиться от них. Но только мысленно призвала Пресвятую Богородицу — бесы мгновенно исчезли.

Так вот, дорогие, как только Господь оставит душу, демоны подступают к ней и начинают мучить. Демоны безсмертны, душа безсмертна — значит, и мука будет вечной. А для сподобившихся наследовать Царствие Небесное будет безжизненная радость. И потому все силы, сколько их у нас сейчас есть, нужно употребить для молитвы, для добрых дел, стремиться каждую минуту отпущенного нам времени использовать для спасения своей души. Я призываю вас в этой новой годичнице жизни по-новому и просить: «Господи, благослови венец лета благости Своей нам на многие лета, Аминь».

¹ «Сказание верного Мана и прамца аббата не обидевши его» (Мф. 16, 18).

Ваше Преосвященство, дорогой Владыка Никон!

От всей души поздравляем Вас, насельников и насельниц монастырей, духовенство и многочисленную паству с днем памяти Святителя Тихона Задонского. 26 августа – не просто дата в календаре. Это праздник духа и святости. В Задонск – место духовных подвигов Великого Подвижника Веры Святителя Христова Тихона – прикывают православные христиане для совместной молитвы, поминовения и прославления Российского Златоуста!

В этом году мы встречаем праздник с особым чувством радости и высочайшей ответственности за свою деятельность на разных поприщах.

Судьбоносное решение Священного Синода Русской Православной Церкви о создании самостоятельной Липецкой и Белецкой епархии, по сути, явилось признанием высокой духовности и подвижнических трудов многих поколений наших земляков по возрождению духовно-нравственных традиций российского народа. Отрадно, что в целительный процесс духовного возрождения втягиваются все больше и больше наших земляков. А значит, совместные труды духовенства и мирян для сплочения общества вокруг высоких моральных ценностей, составляющих основу христианства, получают дальнейшее поступательное развитие.

Дорогой Владыка! Вы отдали много сил для возрождения Задонского Рождество-Богородицкого мужского монастыря и других святых обителей. А сейчас на Вас возложена еще более трудная миссия – обустройство Липецкой и Белецкой епархий, создание ее структур. Воистину великую тяжесть ответственности за спасение душ человеческих возлагает Господь на пастыря вместе с епископским омофором! Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II благословил именно Вас, дорогой Владыка, возглавить Липецкую и Белецкую епархию, зная, что эти великие дела Вам, выросшему из среды простого верующего народа благословенной Липецкой земли, по силам.

Являясь пастырем жителей Липецкого края, Вы служите примером духовного служения Богу и Матери Церкви.

После того, как будет создана церковная структура Липецкой и Белецкой епархий, наверное, надо будет развить ее к реальным нуждам паствы и всего общества. Так как, к сожалению, из-за притеснений Церкви в советский период ко многим верующим укрепилось мнение, что приход – это в первую очередь храм, место молитвы. Данный постулат никто не оспаривает. Но думается, что назначение церковного прихода гораздо шире – он должен стать еще и центром социальной и культурной жизни православной общины.

В этом великом и многотрудном деле Русская Православная Церковь и органы государственной власти должны быть и будут едины!

Всещедрый Господь да дарует Вам, Владыка Никон, монашествующей братии, паломникам, приходящим в обитель за духовной помощью, крепости душевных и телесных сил, успешного продолжения трудов ко благо Святией Церкви и земного нашего Отечества!

*Глава администрации
Липецкой области*

О. Ф. Королев

Ложь, обман, лукавство — пороки родственные, дьяволу принадлежат, так как дьявол есть отец лжи и лукавства (Ин. 8, 44). Этому учит и служителей своих, людей, которые волею его злому и неправы принимают. Эти пороки людей порабощают и заставляют говорить одно, а в сердце держать другое. Таких людей обычно называют двудушными. Одной душой людей обманывают а другой себя вертят. Этого рода люди обходятся с ближними ласково, гладко, чтобы в душу им прокрасться. Они смиренными себя показывают, иногда даже плачут, а на самом деле думают другое. Они в этом подражают отцу своему, отцу лжи, дьяволу, который иногда превращается в ангела света, чтобы было удобнее человека

Ниспаиди святителя Тихона Яковлева

ЛОЖЬ

обмануть и погубить. У этих людей слова как мед, а дело как яд. Если кто хочет отравить кого то так да помазывает медом, чтобы их злодеяние не раскрыто было. Так поступил Канн, который позвал брата своего Авеля на поле, аки ради доброй причины, но в сердце замышляя убийство. Так поступил Иуда предатель, который Христа приветствовал и целовал «*радуйся Равви! и делавы за его*» (Мф. 26, 49); но на самом деле Господа и Учителя своего предавал. Так и сегодня многие приветствуют нас с улыбкой, а на

самом деле думают, как вы нас погубить. «*Давеса паче елеа, и та суть стрелы*» (Ис. 54, 22). Хорошо описал враг Усаидт тебя, но в сердце своем замышляя свернуть тебя в яму; глазами своими враг будет плакать, а когда найдет случай, не насытится кровью. Если встретится с тобою несчастье, ты найдешь его там прежде себя, и он, как будто желал помочь, подставит тебе ногу; будет кивать головою и хлопать руками, многое будет шептать и изменит лицо свое» (Сир. 12, 15 — 18). Кто во, познавши в себе болезню, не ищет исцеления? и кто, познавши свою беду, не ищет от той избавления? Познай и ты внутрень себя скрывающееся зло.

УРОКИ ПО ЖИТИЮ СВЯТЫХ

(На день памяти святого священномученика Аифима, 16 сентября).

Святый священномученик Аифим для всякого нас может служить наилучшим примером любви к правде. Он жил во времена жестокого гонения Диоклетианова. Так как гонение было направлено преимущественно против пастырей Церкви, Аифим из города Никомидии скрылся в одно селение, откуда и посылал увещания и письма к предавшимся на суд и заключенным в темницах христианам, ободрил их к предстоящему подвигу мученичества. Об этом донесла Диоклетиану, и он послал войско отыскать Аифима и привести к нему. Долго войны искали, и, утомленные, остановились в одной селении для отдыха. Здесь-то и находился Аифим. Первого встретившего человека они спросили: «Не здесь ли живет учитель христианский Аифим?» Это был он сам. Святый повил, что настал час его мученического подвига. Он сказал войнам: «Войдите ко мне в дом и отдохните, я вам скажу, где скрывается тот, кого вы ищете». Святитель утешил их со всей любовью и радушием.

После утешения объявил: «Я сам епископ Аифим, за которым вы посланы, — возьмите меня и ведите к посялающим вас». Войнам стало жалко предавать на мучения и смерть такого доброго старца, с таким радушием принявшего их. Все

они единодушно стали просить св. Аифима скрыться, обещая донести властям, что ягиде его не нашли. «Нет, — отвечал святитель, — великий грех пред Богом нарушать правду; преступно обманывать всякого человека, а тем более царя своего и особенно грешно допустить ложь при исполнении долга; исполните честно свой долг, вы не виновны в исполнении незаконного поручения, данного вам». С таким словом он отправился в город, и чем же он занимался, идя на смерть?

Всю дорогу он беседовал с войнами о вере христианской и так утвердил их в ней, что тут же на пути в реке крестил их, соделав их таким образом чадами благодати, возлюбленными Богом. Представ пред мучителем, св. Аифим неустрашимо исповедал веру во Христа, и после ужасных истязаний уселен был мечем.

Вот так любил святый Аифим правду, вот как гнушался лжи, что жизнью своей пожертвовал, — он мог бы избежать смерти, если бы допустил солгать, но не восхотел. Лучше умереть, только бы быть со Христом, только бы остаться верным Христу, — так мыслят и чувствуют все ученики небесного Учителя истины Господа нашего Иисуса Христа.

от и еще пришло на память.

Он когда имел спокойный дух, для увеселения не точно читывал, но и посылал гласно некоторые псалмы Давидовы, а временем заставлял и меня некие умилительные псалмы при лице своем¹ петь, хотя то и на краткое время.

В 1777 или 1778 годах, в сентябре или октябре, ходил он по заднему крыльцу своих келий, будучи в богомыслии; потом, пришел в мое келью, приказал мне взять в руки перо и бумагу и начал мне говорить, а я писать: «Такого-то года и числа великое было в Петербурге наводнение и великая людям и домам многим гибель», — что самое и сбылось; ибо по некотором времени от письмами о том наводнении и извещен был. Записка та затерялась² о воде и числе³.

Болезнь его предсмертная, помяните, началась за год и три месяца до его кончины. Вельмодушно и с благодарением нес он оную, как бы от самой Божией десницы некий воспринял дар. Когда Пресвященный Тихон III приезжал к нему для посещения его, то болящий, сидя на кровати (но и легиши пакы), несколько часов беседовало духовно и душевозлезно; друга своего утешаждя был; беседа, как должно истинным друзьям, пресвященный Тихон III во все время сидел около больного, близ самой его кровати. В числе его благодеяний, милостей и соболезнований к ближним и сие не может ли быть вменено: при Тихоне II (не помню, при котором настоятеле Задонском) два родных брата, из церковнослужителей, по оклеветанию, отданы им были в военную службу и отосланы в далечеяние пограничные места. Уже не малое время тому минуло. Однажды Пресвященный, так как тогда еще не было города и близкого к монастырю строения, ходил за монастырем, углуб-

¹ В своем присутствии.

² Пропала.

³ Речь идет, очевидно, о наводнении, постигшем Петербург в ночь с 9-го на 10-е сентября 1777 г.

Разделявшие радости и скорби

Из воспоминаний
келейников
святителя Тихона

Записки
ИВАН ФИЛМОВА
(часть 5)

ленный в душевспасительные размышления, и внезапно повидел оных церковников малых детей, сидевших в рощице (которая близ монастыря была) плачущих и рыдающих. Убев-

ден будучи человеколюбием, жалостно и состраданием, подошел он к тем малолетним детям и спросил их о причине их слез и рыдания; дети отвечали, что плачут о лишении родителей своих. Разведя обстоятельно о доносе и обвинении и нашедши наказание их неправды, вступился он за спрото и призожал все старание възвзкати оных церковников и возвратити из службы: в скорости же

написал к митрополиту Новгородскому Гавриилу (в то время он был архиепископом) письмо, а при писал просьбу от семьи, и послал нарочного из келейных своих в Петербург. Что же? Вель старательством его церковники те были из службы неуемдлительно възвращены и к своим местам пакы определенны⁴. О сем обстоятельстве рассказывал мне архимандрит Тимофей.

Не вместили ли и сего туда ж?

В 1775 году пришел к нему один из Бехтевской родки (имя ему умолчу), чином капитан, и, под видом благочестия, оставив жену свою и детей, расположился при нем иметь пребывание. Как мужа благоговейного, усердствующего счастья (на словах-де, как я от самого Пресвященного слышал, казался как ангел), принял его Пресвященный в свои келии. Почти около года гость сей за одним столом с ним и кушывал, и чай пивал, и хотя в разговорах был ревностен по благочестию (может, по попушению Божью случилось сие к предосторожности:

обыкновенно таковые мужи, киков был святитель Тихон, иногда и по виду человеку лживому и обманщику веру емлют), но не мог сознать, что из себя составляет, яко человек благодарный. Он, вместо благодарности за любовь к нему и благодеяния Святителя, что учинил? Написал ко многим вообще благодетелям Пресвящен-

⁴ Известен и другой случай заступничества Святителя за людей «безбастульных». Дошел до Святителя слух, что один из окрестных помещиков притесняет крестьян. Святитель вступился в их дело и сам отправился, для исправления помещика, в его дом. Вельмочинный дворнягиня заспорил. Святитель отвечал с кротостью, но твердо. Помещик все болдел и более выходил из себя и наконец забалдел до того, что, ударил Святителя по щеке...

Святитель ушел. Но на пути, верный заповедь Евангелия, решил просить у оскорбленного его помещика, что вывел его в такое искушение, а, пришедши, даже пах ому в ноги. Правда доказывает, что изволелный этот поступок небольшого настыря до того порозни дерзкого помещика, что он сам, зарывая, унял в ноги Святителю, злая линия простить его, и с тех пор совершенно изменился в отношениях своих к крестьянам, давши им вельможное погостыть.

ного письма, подписав свое под его руку и, сказавшись ему, что поедет к роде своим для прогулки, вместо же того с тем фальшивым письмом, которое им же было написано, просительным о вспоможении Преосвященному, якобы по недостатку его пенсиону, поехал по многим господам помещикам и к кучеству и собрал довольно количество сумм, — о чем Преосвященный немедленно, чрез письма от тех благотворителей, был извещен. Капитан, слыша, что Преосвященный узнал о его поступках, писал к нему, чтоб он его в том простил и паки позволил быть к нему в Задонск. Преосвященный, будучи любовен ко всем, и к самым врагам, по Христову словеси, от сущего смирения простил ему и терпеливо все то от него снес. Но как он думал и обмана быть не мог, и хотя был кроток, смирен сердцем и великодушен, и всю ту вину возлагал на врага дьявола, яко от наущения его тако случилось, — однако на глаза к себе обманщика и лживого не мог допустить, а на письмо его отписал к нему; письмо это мною издано в печать и есть в «Полных письмах». Из оного письма можете взять что-нибудь к распространению описания жизни Преосвященного. У меня много было достопамятных случаев, но, ей, не знаю, где их отыскать, а что отыскано, то и вменено. Он, Преосвященный, верите ли, такие имеет свойства души, что когда его ругали, поносили, порочили и клеветали, он только горько плакал о таковых; сожалел об них, он виновником всего поставил врага Божия и христианского, дьявола. А когда кто из таковых, почувствовавшись, с признаниею виновности своей просил у него прощения, то, бывало, объемот его с радостными слезами, целует его и прощает от сердца, любовию наполненного. Тут уже беседа его была столь правдоучительно-приятная, что и из врага и ругателя сделал его себе приятелем и другом. Прочтите из книги «Сокровища духовного» статью: «Вода мимотекущая», и там о сем истину спознаете, как он описывает друзей и врагов, как из сих делались друзьями, а из друзей превращались в враги. В одной статье вы многое найдете ко включению в описание его жизни. Сталось, что когда

он сам своими руками раздавал деньги бедным, кои иногда довольно собирались количеством, и, увидевши нужды каждого, иному даст больше, а другому меньше, то сей, возгорав за лишнее другому подавание, в глаза начинал бранить Преосвященного и именовать весьма непристойными словами; но Преосвященный, не только чтоб оскорбляться на таковых ругателей, но улыбаясь, как бы на малых детях, давал иногда ответ таковой: «Ну, брани, брани больше!» Потом и еще таковым придает, для того единственно, дабы, удовлетворяясь подаянием,

пошел безропотно от него. Паче же ко вдовствующим и сиротам был он милостив и щедроподатлив. Он, по врожденному человеколюбию, столь был сребролюб ко всякому, что если проходил из мужиков, идучи в свой дом чрез город Задонск, дорогою заболит, так что не в силах идти, то, узнав о таковом приключении, принимал больного в свой келли и питает его дотоль, дотоль выздоровеет; и не только бедным сиротам и старым, но и всем странникам келли его были всегда прибежищем, странноприимство всем было невозбранное.

Бывали случаи, — дополняет предание, — что в числе «во правду нищих» к Святителю являлись и такие, которые «имея довольно, притворили нишето, или некоторые вымышляли нужды, кои бы разоршили от пожара и т. п., а тем самым и у бедных, во правду нищих, отнимали подавание. «Подлинно», — замечает Святитель в другом месте, — к числу хищников принадлежит таковые и, как тати, суду Божию подлежат» (Жизнь новонавленного угодника Божия Тихона, епископа Воронежского и Елецкого, с присвокуплением избранных мест из его творений. Изд. 2-е М., 1862. С. 66.). Двое из граждан Елецких, слыша о необычайном добродушии святителя Тихона, створивши обманом выпросить у него пособие. Явись к Святителю, они с притворными слезами говорили, будто недавно лишились от пожара своих домов и всего имущества, и пришли просить помощи. Выслушав их, Святитель пристально посмотрел на них и дал им немного денег. В тот же день, довольные своим успехом, отправились они обратно в Елец. Пользуются к городу и видят — в городе пожар, — спешат к своим домам; они горят. Пораженные близостью жаровой руны Божией, после слез обмана, повелили они к святителю Тихону с искренними слезами рассказывать, умоляя его простить их. Святитель в изумлении повергся из колена пред изображением Распятия Христова, тихо прошептал молитву, встал и с скоротечию сказал: «Просите у Господа прощения; вы уже названы за грех ваш; отселе вы должны начать новую жизнь». Сказав это, он благословил их, дал денег, не оставив их и потом своими дружескими и делательными участием. Передающий это замечает, что после этого явил эда, при благом участии Святителя, действительно изменились к лучшему, своею честностью и трудолюбием заслужив обое уважение своих соратников. Не ограничившись единовременными пособиями нуждающимся, Святитель устроил в Ливнах, Орловской губернии, богадельню для бедных. Замечательно, до какой степени занимало это дело Святителя. Он входил в самые мелкие подробности при устройстве этого учреждения. Малейшая неудача отнимала у него покой. Когда местный священник, которому поручено было ближайшее наблюдение за работами, доносил ему, что он распустило, дело это являющимся осенним временем исправиться не может, и не благоволено ли будет перезакуп материями отложить до пути, — Святитель отвечал ему письмом, в котором умолял его, «ради Христа, постараться, не можно ли ныне построить, чтоб было где бедным покоиться, на пристойном месте». Так нетерпеливо ждал Святитель исполнения своего благого начинания и с таким вниманием и уважением отнеслся он к человеку, забываясь устроить бедного не кое-как, но на месте пристойном.

История Задонского Богородицкого мужского монастыря

Часть 23

Материалы по истории Задонского Богородицкого монастыря, публиковавшиеся в «Задонском паломнике» в 2001-2003 годах продолжили наиболее заметные из трудов предшествовавших, посвященных обители над Доном — «Историко-статистическое описание первоклассного Задонского Богородицкого монастыря». Этот труд, принадлежащий перу иеромонаха Геронтия (Кургановского), не только сообщал известные автору сведения из прошлого Богородицкой обители и живописал ее настоящее. Отцом Геронтием была также сделана попытка найти место Задонского монастыря в общенациональном процессе, соотносить события истории местной с теми, что имели масштаб общероссийский.

Создавая «Описание...» о Геронтий в реконструкции ранней истории Задонской обители опирался на знаменитый историко-экономический очерк Воронежской губернии, созданный Е. А. Болховитиновым на рубеже XVIII и XIX веков и содержащий сведения об основании Задонского Богородицкого монастыря и о состоянии его в конце XVIII столетия.

Первое издание «Историко-статистического описания первоклассного Задонского Богородицкого монастыря», составленное иеромонахом Геронтием, увидело свет в 1871 году, последнее (третье) — в 1893. Иеромонах Геронтий был иезуитом обители и многое из описываемого наивнодалично вплоть до конца девятнадцатого столетия, когда он был возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем сначала Новосильского монастыря Орловской епархии, а с 1901 года — Иосифова Волоколамского, где и окончил дни свои 27 ноября 1903 года.

Следует учитывать, что о Геронтий, готовя очередное переиздание «Описания...», не только дополнял его новыми фактами, но и убирал из текста то, что, по его мнению, уже утратило значение. А потому, при использовании данной работы о Ге-

Летописцы и историки...

ронтия, для получения наиболее точной и полной информации, рекомендуется тщательное текстовое сравнение «Описаний...» разных лет.

Но «Описание...» иеромонаха Геронтия, при всей своей подробности, практически не дает информации о первых ста годах существования Богородицкого монастыря. Дело в

Иеромонах Геронтий (Кургановский) — автор первого обобщающего труда по истории Задонского Богородицкого монастыря.

том, что на момент написания главного труда о Геронтия не были известны важные документы, хранившиеся в архивах Москвы. В Задонске же их, как известно, уничтожил пожар 1696 года, в котором погиб архив монастыря. Вновь эти документы оказались открыты исследователям лишь в начале XX столетия,

благодаря трудам действительного члена Воронежского церковного историко-археологического комитета С. Н. Введенского.

В 1907 году он был направлен в архивы министерства юстиции, где занялся копированием писцовых, переписных, межевых, платежных книг начала семнадцатого века, составленных по территориям, которые позднее вошли в состав Воронежской губернии. Весьма важно, что Введенский работал непосредственно с оригиналами документов. А к Задонску и Богородицкому монастырю у Сергея Николаевича интерес был особый — до переезда в Воронеж почти четверть века прожил он здесь, сначала преподавая в местном духовном училище, а затем являясь его попечителем и инспектором народных училищ Задонского уезда.

Итоги своих архивных изысканий, относящиеся к Задонску, С. Н. Введенский обобщил в статье «Хозяйственная деятельность Тешевского (Задонского Богородицкого) монастыря на Донской Украине в XVII и в первые годы XVIII века». Эта публикация, пожалуй, наиболее серьезное в научном плане дореволюционное историческое исследование, касающееся прошлого Задонского мужского монастыря. Данная статья была представлена на суд читателей в 1904 году на страницах выпуска № 5 «Воронежской старинки».

Кроме того, трудами старших коллег С. Н. Введенского, (Н. И. Вронова, Л. Б. Вейберга, П. Н. Никольского и других) на страницах ряда специализированных периодических изданий была осуществлена обширная публикация источников по ранней истории заселения Воронежского Подонья и становлению монастыря на Дону.

Следует заметить, что многие из этих документов были обобщены П. Н. Никольским в его работе «Монашество на Дону».

Весьма высока информационная насыщенность 10-го, юбилейного,

выпуска «Воронежской старина» подготовленного к 50-летию прощавления св. Тихона. Издание включает как материалы, посвященные земному житию святителя так и те, что подробно рассказывают об истории обретения нетленных его мощей; о том, как проходили в Задонске празднества 1861 года; как в местных обителях хранили память о Чудотворце Задонском. Это издание — богатый фактами источник по истории Задонского Богородицкого монастыря XVIII-XIX вв. Содержит здесь сведения об учреждении, а также дальнейшем устройении Богородице-Тихоновского, Свято-Троицкого Тихоновского женских и Тихоновского мужского монастырей.

К сожалению, отсутствие архивных документов за период с начала 1890-х годов, на котором завершает свое подробнейшее описание современной ему монастырской истории иеромонах Геронтий, но первые послереволюционные годы не позволяет пока восстановить в деталях жизнь Богородицкой обители в это тридцатилетие. Тем не менее, благодаря довольно неплохой комплектности «Воронежских епархиальных ведомостей» упомянутого временного промежутка, хранящихся в краеведческом отделе Воронежской областной научной библиотеки имени Никитина и библиотеке Государственного архива Воронежской области, удалось прояснить основные моменты жизни Задонского Богородицкого мужского монастыря в этот период.

Некоторые сведения о развитии экономики и составе населения Задонского Богородицкого монастыря взяты из прочей, в том числе и общероссийской, справочной литературы того времени, а также из «Памятных книжек Воронежской губернии» за соответствующие годы («Книжки», обобщающие губернерскую статистику, издавались с 1856 по 1916 годы).

К сожалению, не сохранили воронежско-липецкие архивы свидетельства происходившего в Задонском Богородицком монастыре в бурные революционные годы. Реконструкция происходившего выполнена с опорой на свидетельства периодики, а также очевидцев — покойных ныне старожила г. Задонска

С. Г. Заворыкина и задонского уроженца, сына городского головы Коптева — писателя Н. А. Задонского.

А вот период более поздний (вплоть до 1930 года) находит отражение в архивных документах. Правда, они редки и разрознены, но, в целом, позволили воссоздать строго документированную картину постепенного разгрома одного из центров Российского Православия. Хранятся эти дела в фонде Задонского уездного исполкома (1919 - 1924 гг.) Государственного архива Липецкой области.

Сведения о Задонском епископате 20-х годов прошлого столетия

С. Н. Введенский, преподаватель Задонского уездного училища, историк, посетивший одну из своих работ основанию Богородицкого монастыря

можно почерпнуть на интернет-странице Свято-Тихоновского богословского института, где размещена электронная база данных «Епископы и епархии периода гонений на Церковь (1917-1955 гг.)».

Весьма обширный материал о последних годах существования Задонского Богородицкого мужского монастыря во имя Сретения Владимирской иконы Божией Матери можно найти на страницах «Уголовного дела № 60 «По обвинению гр. Стурова Николая, Стукалова Митрофана, Михайлова Ивана и др. в действиях предусмотренных ст. 58

ч. 10 п. II УК РСФСР» начато 28 сентября, а окончено 28 ноября 1929 г. Показания обвиняемых и свидетелей (а их более трех десятков) содержат сведения о жизни обители в 1924-1929 годах. Дело это после реабилитации невиновно осужденных в 1991 году было передано в фонды Государственного архива Липецкой области и полностью открыто для изучения. Первая публикация по материалам дела в периодической печати была осуществлена директором ГАЛО В. Б. Поляковым.

Дополнить скудые строки архивного дела удалось благодаря воспоминаниям сторожа деревни Большое Панарино Г. А. Дмитриева 1912 года рождения, записанным летом 2001 года. Григорий Андреевич в юные годы бывал в тогда еще действовавшем монастыре, помогая звонарю о. Ефиму. Рассказ очевидно совпадает с известным из других источников, а потому дополнительные подробности, сообщенные им, вполне заслуживают доверия.

История возрождения обители, именуемой с 10 января 1992 года Задонским Рождество-Богородицким монастырем, проходила на глазах автора и ранее была поэтапно отражена им в многочисленных публикациях на страницах периодической печати.

Было также использовано материал из рукописи «Летопись Задонского Рождество-Богородицкого мужского монастыря», составленной монахиней Евфимией (Ворониной), уроженкой города Задонска.

Серьезную помощь при работе оказали труды историков, как светских, так и церковных, не имеющие прямого отношения к прошлому Задонского Богородицкого монастыря, но позволившие лучше понять и с наибольшей достоверностью реконструировать ход событий местной истории. В частности — обобщающие труды по истории российского Православия в XX столетии, принадлежавшие перу профессора Московской духовной академии протоиерея Владислава Цыпина, являющегося ныне председателем Историко-правовой комиссии Русской Православной Церкви.

Юродники Домни Карповны

Память 29 октября

Есть люди всеми осмеянные, всеми презираемые, которыми гнушаются подчас и самый потерянный человек. Бездомные, нищие, убогие на вид, томимые голодом и жаждою, скитаются они среди холодных и довольных собою людей. Холод, голод, вечные насмешки, презрение и полное одиночество – вот удел этих людей. Мир считает их безумными, глупыми, жалкими людьми, не имеющими ни разума, ни стыда. И только простиет души верующих из народа, с сожалением относясь к ним, называя их блаженнейшими, Божиими человеками, ди редкое-редкое нежное и благородное сердце почувствует в них величие духа и неизменную красоту их души. Таковы эти люди. Это – Христа ради юродивые. В порыве горячей и безраздельной любви к своему Спасителю и Господу Иисусу эти люди бросают все: и здравие, и богатство, и счастье мира, и, брошив все, всецело отдаются делу спасения.

А подвиг спасения страшно труден. Много надо трудов и терпения, чтобы достигнуть тихого пристанища. Ищущему спасения предлагает великая и непрерывная борьба со своими страстями и духами злыми и в человеко-ненавистными. И подвиг юродивых есть один из видов этой борьбы. Здесь в самом корне и средствами самыми сильными побеждаются страсти. У юродивых под видом безумия и беспорядочной жизни идет упорная, разумная и стройная борьба со грехом. Для того-то они принимают вид помешавших и глупых, чтобы скрыть от людей эту непрерывную борьбу, чтобы скрыть от людей и эту пламенную любовь. Ревниво оберегая свое сокровище, они позволяют себе странное действие и поступки, непонятные слова и речи. Многиего из этого ihnen кажется греховным, но сердце юродивых далеко отстоит от греха. И много надо величия духа, непреклонной воли и чистоты сердечной, чтобы в этом тяжелом подвиге юродства, под видом безумия, среди всяких озлоблений и лишений сохранить любовь к Иисусу Христу всеми женой и юной. И этот подвиг, эта любовь не остается без ответа. Господь часто прославляет юродивых необычайными благодатными дарами, и тогда ясно для всех открываются и их возвышенная вера, и их нежнейшая надежда, и безраздельно горячая любовь ко Христу Спасителю. Но, и исполнявши даров Божих после очищающих душу подвигов юродства, юродивые продолжают вести свой прежний подвиг, и это необходимо им, чтобы сохранить эти благодатные дары, необходимо, чтобы победить дивилово, непрестанно всеощее, и победить именно смиреннее и терпением. И Господь, видя терпение Своих рабов, подает им все большее и большее утешение. Вот какой смысл и значение в деле спасения имеют юродивые. Их подвиг – есть путь

спасения на глазах всего мира, среди людей, под бременем их давления, и путь ничем высшим не облагаемый, кроме одной и вседейственной благодати Божией; это – путь самый тяжелый. Но и этим путем немало прошло ко Господу ищущих Его и на этом тернистом пути блистают разные звезды: великие и малые. Одно из таких звездочек была и Домна Карповна, совершавшая свой путь в пределах далекой Сибири.

Кто была Домна Карповна – неизвестно. Говорить о себе она не любила. Только однажды, давая наставление о скромности в одежде одной сельской матушке, она сказала: «Смолоду я сама наряжалась хорошо. Жила я в господском доме, да ушла». Ее спросили, почему же она ушла. «Да тяжело было жить, – отвечала она, – в господском доме: курявил я мною много холодно, покою не давали». А другой раз, одной преданной ей женщине, она объяснила подробнее: «Родителей у меня не было, жила я у тетки. Тетка хотела меня отдать замуж силою, а я замуж идти вовсе не хотела. Гуляла в садике и убежала». Затем известно, что она судилась в Полтаве за бродяжничество и была сослана под именем Марии Спелечико в Сибирь, в Капшанский округ. Родилась Домна Карповна в начале девятнадцатого века. Воспитание получила в дворянской семье, и ее благовоспитанность просвечивала даже и во дни юродства. Была образованная, что видно из следующего: однажды мимо того села, где находилась Домна Карповна, проезжала одна знатная женщина, и Домна Карповна провела с ней всю ночь, беседуя на одном иностранном языке. Наружность ее

была привлекательная, и в молодости она, очевидно, была очень красивой. Но все это она изменила ни во что. Возлюбив Господа Иисуса Христа и ради Его желая сохранить девство, она бросила дом своих родственников и презрев нежность своей юности, обрела себя на трудный и опасный путь странствований. Как не имеющая никакого вида или свидетельства о личности, она арестуется в Полтаве, судится за бродяжничество и сосылается в Сибирь. Здесь она вписалась уже юродивой. Постоянного жилища Домна Карповна не имела, жила, где Бог приведет, часто проводила дни и ночи под открытым небом, неспирая ни на какую погоду. Одежда ее была очень странная: она состояла вся из разной величины узлов, вместе связанных и наваленных почти на совершенно голое тело. В узлах этих были нискода не годные тряпки, старое мочало, веревки, ремни, обувь, битые стекла, камни, опилки и многое другое. Сверху узлов на ней было много мешочков с хлебом, чаем, сахаром, ладаном, специями, кислой капустой; с собой же она носила и яйца, молоко, старые щи и многое другое. Все это и составля-

ло ее одевание. Почти постоянно она изменяла расположение узлов; руки ее всегда были заняты ими. По своим узлам, которые ей служили, очевидно, и вместо четок, она совершала молитвы. Босою Дюма Карповна никогда не ходила, а всегда имела какую-либо износившую обувь. На голове ее была всегда повязка, чаще всего белая, с крестом и лентами. Если же доставала где-либо старые шляпки, то две зараз надевала на голову, а третью внизу спины пришивала. В трескучие морозы иногда она одевалась в шубу, но так как обилие узлов не позволяло одеть всю шубу, то носила ее в накидку, или продевала один рукав, при чем шуба всегда была распахнута. Обычно шуба очень недолго держалась на плечах Дюмы Карповны: тут же вскоре шуба переходила в чьи-либо нившие руки. Однажды просвещенный Порфирий, очень любивший Дюму Карповну, подарил ей свою шубу. Дюма Карповна с благодарностью набросила ее на свои плечи, но через два часа шуба была уже на иппеме. Просвещенный, узнав об этом, сказал: «Дурочка учит нас умников. О, если бы и мы додумались до такой любви к ближнему и до такого терпения ради Христа!» Узлы же Дюмы Карповны, по обилию своему представлявшие большую тяжесть, носить постоянно какую-то составляло уже подвиг, несколько не избавлял ее от холодного ветра, дождя и мороза, так как для этого между ними было всегда достаточно свободного пространства. Так в своем странном и необычном одевании Дюма Карповна «томчила томшащего», так изнурила плоть со страстями и похотями, так во многих трудах несении одежды-периг она текла ко спасению.

С утра до ночи жизнь Дюмы Карповны проходила на людях. Вставши утром, она около часу проводила в совершенном молчании, перебирая свои узлы и узелки — то она молилась. И в это время ничто не могло вызвать Дюму Карповну на разговор, она не произносила даже и одного слова. Затем, кончив переборку узлов, она подходила к хозяевам с приветствием: «Доброе утро! Многая лета, многая лета!» — и, осевши крестом, целовала в уста. После этого Дюма Карповна начинала юродствовать, ходя по селу или городу, говорила без умолку, пила и ела все, что только ей подавали. Не переставала юродствовать и в церкви, особенно когда много было народу: здесь она переходила с места на место, разговаривала, гасила свечи, представляла их с места на место, а иные клала себе в узлы.

Дюма Карповна всегда показывала вид, что не любит нищих и весьма редко кто видел ее ни благотворящей. Между тем собирать всякую ветوشь и вообще все ненужные вещи она очень любила и заставляла своих знакомых брать все это, да непременно в ящики. И только потом черз руки этих хранителей все сии вещи переходили в нищим, сама же Дюма Карповна никогда об этих вещах не вспоминала. Зато странников Дюма Карповна очень любила. Для них она выпрашивала хлеб, бул-

ки, кашачи, молоко и т. п., а то так и сама брала у знакомых без спросу. Чуть только отнерится хозяйка по делу, а Дюма Карповна уже заберет почти все: булки и хлеб, возьмет кусок мяса, даже кашу из горшка — и скроется к своим «слепенькам», так она называла всякого рода странников.

Но более всего заботилась Дюма Карповна о собаках и кошках. Это были ее друзья, которым она отдавала большую часть собранной ею пищи. Особенно она жалела цепных собак и строго надбодала, чтобы у них всегда была вода для питья, и горе было тем, кто не надбодал за этим: Дюма Карповна не останавливалась, враждовать и костьюем. Часто ночью она тихонько подходила к цепным собакам и, перевернув веревку, пускала их на волю, для какой-то цели у нее всегда имелся какой-нибудь инструмент. Собаки очень любили Дюму Карповну, но подходили в ней только ночью, и тогда они ходили за ней цепными стаями. А так как она incepвала почти всегда где-либо на дворе или прямо в поле, то собаки с радостным лаем окружали ее. И здесь, во мраке ночи, среди собачьего лаю, вдруг раздавался громкий голос Дюмы Карповны: «Пресвятая Богородице спаси нас!», «Все небесные силы, Херувимы и Серафимы, молитте Бога о нас». Вот где Дюма Карповна находила возможным молиться, ничем не смущаемая и скрытая от людей свои подвиги. Горько и усердно молилась она также и в церкви, но только в том случае, когда не было народу. Здесь она казалась то совершенно неземной в каком-то духовном восторге, то проливая горькие слезы в сознании своей немощности. «Зыгнугула я однажды и придел, — рассказывала одна благочестивая женщина, —

смотрю, Дюма Карповна, стоя на коленях, молится — ах, как молится! А слезы-то, слезы-то! так и текут в два ручья из глаз ее!» Но чуть только замечала Дюма Карповна свидетелей своей молитвы, как опять начинала юродствовать. Любила она также, ходя по улицам, распевать духовные песни, за что часто и попадала в полицейские участки. Последнее обстоятельство было желанным, радостным событием для заключенных. Томские куццы и купчихи, узнав о том, посылали ей грудями пироги, булки, блины, чай и сахар. Все это она раздавала арестантам и, когда она выходила из тюрьмы, ее товарищи по заключению, в простоте душевной, желали ей поскорей попасть в тюрьму обратно.

Так среди подвигов юродства Дюма Карповна хранила свое девство, несла добровольную нищету, своей тяжелою ношей узлов умерщвляла свою плоть, терпела, почти обнаженная, и мороз, и зной, и ненастную погоду. К концу своей жизни Дюма Карповна обладала даром прозорливости. Когда она умерла, множество жителей из города стеклось на ее погребение. Много было на погребении и духовенства, приглашавшего к ней глубокое уважение. Скопчалась сия раба Божия 16 октября 1872 г. и погребена в Томском женском монастыре.

Воспоминания протоиерея Александра (Снежное)

Я увидел отца Виталия, когда у нас дома началась несправедливость и мама стала ходить в церковь. Перед тем, как мне идти в армию, мама сказала: «Надо поехать к старцу в Тбилиси, чтобы взять благословение». Я был довольно-таки далек и от храма, и от духовной жизни, и, естественно, от послушания родителям. Когда мы приехали к отцу Виталию, он упал нам в ноги и поклонился. Мы в ответ тоже ему поклонились. В тот раз мы побывали в Тбилиси всего три или четыре дня, потому что у меня на руках уже была повестка в армию.

Батюшка благословил, чтобы мы посидели по святым местам, но меня больше тянуло в магазин – что-нибудь там приобрести, и я все время дергал маму. В общем, вел себя строптиво. Когда мы уже уезжали, Батюшка благословил меня в армию.

На пересыльном пункте нас было десять человек из Донецка, но девять отправили в Афганистан, а меня одного, по молитвам отца Виталия, отослали в Германию. Прилетев туда, я попал в ансамбль песни и пляски Дрезденского гарнизона и прослужил там все два года.

Придя в армию, три года я жил, как придется: редко ходил в храм, но особо прислушивался к родителям. Но мать молилась за меня. Отец Виталий тоже постоянно за меня молился. Когда мы приехали в Тбилиси, он всегда благословлял меня помогать в алтаре. А потом как-то сказал: «Или ты станешь священником сразу – сейчас, или же через много лет ты будешь монахом – иеромонахом». Мне тогда все это было чуждо, поскольку я вел совершенно мирскую жизнь. Но потом крестиком, потихоньку по молитвам отца Виталия повернулся к Церкви и стал священником.

Однажды, когда я еще служил в армии и приехал на побывку домой, мы с мамой отправились к Батюшке Виталию. В то время к нему приехали еще отец Анатоль и отец Гавриил. Батюшка всех нас тогда очень долго исповедовал – держал под епитрахилью несколько часов.

Потом мы собрались пойти в храм, а матушка Мария (сейчас схигоумения Серафима) решила меня

ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ

Блаженной памяти
схиархимандрита
Виталия посвящается

Из воспоминаний духовных чад

неможно «почтить». Я тогда был непослушный, непокорный, чем меня огорчал свою мать, а матушка меня так хорошо поставила на место. Мол, я свою мать мучаю, и такой я, и свкой... Пришлось унасть

Отец Виталий в Сергиевом Посаде.
1979 год

на колени и просить прощения. А потом, когда мы шли с отцом Гавриилом в Александро-Невский собор, он и говорит: «Молодец, выдержал». Я ничего не понял. Мы везде лобызали, назад идем, а он опять говорит: «Молодец, выдержал». Я начал спрашивать: «Батюшка, что Вы имели в виду, когда так сказали?». Он говорит: «Матушка тебя испытывала, а ты выдержал».

Однажды произошел интересный случай. Утром все встали, а отец Виталий заходит в келью и говорит: «Матерь, ну, что ты так долго спишь?

Вот у меня соседка: еще ни свет, ни заря, а она уже встала, свечечку засветила, ходит во дворе, акафисту наррасеет пост... А вы спите до сих пор!» А одна из матерей думает: «Да как же так? Там же живут алкоголики – люди не сильно набожные. И чтоб там было что-либо подобное?» Спросила она у матушки Марии, а та отвечает: «Да у нее похмелье. Рано проснулась – где бы похмелиться? Цигарку засветила. Ходит, курит и мужа матом крест». А отец Виталий любой плохой случай перепорачивал на хорошее, на доброе. И еще наставление нам преподосудил. По своему сердцу, по своей любви.

Как-то приехал я к отцу Виталию со своей матушкой – женой Лидией. Она и говорит Батюшке: «Как же мне хочется в церковном хоре петь! Мне хочется со своим батюшкой быть везде». А отец Виталий и матушка Мария отвечают: «Да тебе хватит детей – о них заботься». А тогда у нас был всего один ребенок, и врачи по состоянию здоровья моей матушки строго запретили ей в дальнейшем рожать. Но потом Господь так управил, что по молитвам старцев у нас сейчас 11 детей! Вот такая помощь Божья.

К Батюшке Виталию приезжали разные люди. Были, видно, и маловерующие, малодоверяющие этому великому старцу. И Господь через отца Виталия сотворил нечто, что послужило для укрепления нашей веры. А произошло следующее событие. Заходит одна матушка со двора в дом и говорит: «Отец Виталий, там на улице такой ветер – злая вьюга! Единственный корюлек висел на дереве – и тот упал и разбился! Жалко так!» А отец Виталий ей в ответ: «Мать, да ты помолись, чтобы Господь ветер убрал». Она в сильном недоумении: мол, как это – помолись? Но благословение есть благословение – она вышла на улицу и стала молиться. Проходит несколько минут – она опять забегает в комнату и говорит: «Отец Виталий, отец Виталий, там листочек не шелухонька – специально стояла, смотрел!» В этот момент открывается дверь в другую комнату, выходит матушка Мария и говорит: «Матерь Божия, мне дышать нечем! Ты не слушай этого Виталия!» И у насна глазах тут же подымается ветер и крутит все. Та матушка, бедная, не знала, куда себя

деть после такого события. Вот так Господь через молитвы великого старца являл людей и приводил к вере.

Былы у нас в семье большие скорби. Матушка моя прилетла вечером, но заснуть не смогла – все переживала. И в этот момент явился ей отец Виталий и говорит: «Ты не скорби. Я при жизни ставил за вас свечи. А теперь нахожусь на небе, так что и там постоянно за вас горит свеча. А за тебя всегда горит две свечи».

Как-то vez в поезде свою сестру и мать Диснину. Ехали они в Тбилиси на поминки по отцу Виталию. Вешей собралось много, машина на нас еще перенесена не была – то есть документы на чужих людей, а надо было переправляться через таможену; с Украины доехать до Таганрога, а там уже на поезд – и до Тбилиси. И вот едем мы на перегруженной легкой машине с прицепом – и без документов! Переживаем, усидено молимся. У меня на руке были четки, благословленные отцом Виталием. Подъезжаем, уже таможен виднеется. А мать Диснина села на заднем сиденье. Вдруг она как закричит: «Отец Виталий, отец Виталий приходи!» Говорит: «Я глаза сомкнула невольно, смотрю: открылось небо, крыши не стало и отец Виталий опускается, а по бокам двое каких-то монахов. Благословил нас и удалился». Я говорю: «Ну, наверно, тогда все будет хорошо».

Подъехали к таможене, видим: перед нами людей проверяют очень строго, все досматривают. Подходит наша очередь – влдут работницы таможен начинают все складывать, убирают свой журнал, столки, а нас вроде и нет – не замечают. Мы постояли, постояли, посмотрели и поехали дальше. Приехали вовремя в поезд, и мать Диснина с моей сестрой отправились на поминки отца Виталия.

Воспоминания схимонахини Евстратии

Когда мы только приехали в Бурдюно, Батюшки Виталия не видели,

потому что его прятали. Я думаю: «Ну, что ж – видно так Богу угодно». А Батюшка подбегает ко мне: «А я вот он!» Я прощу: «Батюшка, благослови меня». Он благословил и говорит: «Ты не скорби – я всегда с тобой». И с этих пор мы все время с ним общались.

В Бурдюно Батюшке являлась Матерь Божия на том самом месте, где хотели строить баню. Богородица сказала: «Это место не для того, чтобы баню делать». Матерь Божия просвещает это место.

Как-то Владыка Зиновий приехал в Бурдюно – сколько людей там тогда собралось! Мы в то время занимались шитьем. Сначала жили в Бурдюно, а потом Владыка стал меня благословлять, чтоб я съездила в Тбилиси. Он мне прислал телеграмму – мы приехали и там жили.

Я всегда, когда садилась за работу, сперва помолюсь, а потом оборо-

и говорит: «Ты знаешь: вот есан бы ты не поехала, нам бы билет дали!» Вель ты без благословения едешь!» Я ей: «Матушка, прости меня». Тогда та мать, что мне сказала про телеграмму, и говорит: «Татьяна, ты знаешь, что это нам благословения нет, а ей есть. Мы едем без благословения – поэтому нам билет не дают». Они попросили, чтобы я подошла к кассе – нам сразу дали билеты, и мы поехали. Это потому, что Владыка, когда благословлял приехать, то всегда молился. Прибыли мы, заходем, а Владыка и говорит мне: «А я Вас встречю».

Он очень любил сухарный квас, и я, как приеду, всегда ему делала. А в тот раз у Владыки как раз должен был скоро день Ангела. Он встретил нас и говорит мне: «Вам придется сухарный квас делать». Я отвечаю: «Как благословение, Владыко». А мы для кваса привезли и свои сухари, и тесто. Отправили меня куда-то, начала я делать – никак не получится! Мысленно прощу: «Владыко, что-то у меня квас никак не выходит! Вы уж мне помогите. Я ничего не могу сделать». И потом вдруг такой хороший квас получился!

Вот наступил День ангела Владыки. Литургию мы все отстояли, потом стали его поздравлять. Я подхожу, а он мне на ушко и шепчет: «Мать, а какой квас был – исключительный! Никогда такого не было!»

Владыка Зиновий говорил про себя, отца Андроника, отца Серрафима и отца Виталия: «Никогда мы друг без друга ничего не делали. Всегда все вместе, спрашивали друг у друга совета, послушание выполняли друг от друга. Мы никогда не ослушались, а только слушались».

Жили мы в Бурдюно. Отец Виталий говорит мне: «Иди в храм и читай там Иисусову молитву». Я пошла, прочтала, сколько он мне благословил, а Батюшка бегае по церкви и все двери закрывает. Думаю: «Что это он?» Собралась выходить, а он бежит ко мне и спрашивает: «Ты куда идешь?» Я отвечаю: «Батюшка, я прочтала, что Вы мне благословили. Мне нужно на послушание идти». А он говорит: «Нет, ты никогда не пойдешь. Мы сейчас тебя будем в схиму пристрелить». Я усталилась: «Да Вы

Много бед на жизненном пути, но верю к Богу, молитвою, терпением, нужно снискивать спасение, которое от Господа и Богоматери.

Из писем схимархимандрита Виталия

чиваюсь к фотографии Владыки и беру у него благословение. Как-то были мы в Тбилиси, Владыка заходит, подходит ко мне и на ушко говорит: «А я тебя всегда благословляю. Ты бери благословение, каждый раз бери».

Однажды Владыка прислал телеграмму, чтобы я обязательно приехала, а мне никто ничего и не сообщил. Сестры собирались в Тбилиси (их местный батюшка благословил), а меня брать не намеревались. Но одна матушка мне потихоньку сказала: «Ты, пожалуйста, приготовься, чтобы ты с нами поехала, потому что тебе Владыка прислал благословение». Поехали мы поездом на Ростов, на Украине – пересадка. Я ничего не говорю, веду себя скромненько. Вот подошли билеты брать, а их нет. Одна матушка из наших подходит ко мне

что? Зачем? Батюшка, еще рано, мне ж надо пока в мантин попроситься. Нет-нет, — меня же в мантин постригли только блет назад — в 66-м году. А был 72-й. А он говорит: «Нет, все двери закрыли, и уходить тебе некуда». И остался я с отцом Виталием. При постриге он возле меня стоял и читал разрешительную молитву, как востренивик.

Когда мы приезжали в Тбилиси, отец Виталий нас всегда благословлял — кому на какой квартире быть, что делать. Вот идешь, например, в церковь или еще куда — Батюшка говорит: «Что вы прочитали каноников», — по четкам; Ангелу-хранителю, Матери Божией, Спасителю и дневной. Кто сколько успеет. А иной раз вылетит из головы и забудеть. Придешь, а Батюшка уже знает, что я и не вспоминала про каноны, и спросит: «Ну и сколько ты прочитала?»

Это было в Тбилиси на Московском проспекте. Мы пришли из церкви, а мать Мария спрашивает: «Где Батюшка? Только что был — и нет?» А Батюшка на дереве сидит (на уровне четвертого этажа) да и говорит: «А я вот он. Я с братиками тут сижу», — он сделал ящик и на нем птичкам хлебушек крошил. Говорит: «Братиков надо кормить». Мать Мария перепугалась: «Сейчас он упадет! — ведь такая высота, а он больно: голова может закружиться, да мало ли что. — Ой, да Батюшка! Да что ж ты меня всю замулчи? Да что ж ты делаешь?!» А он как птичка на ветке сидит. Потом потихоньку слез.

Один раз на столе стояла тарелка с едой, а мне очень хотелось кушать. Я смотрю и думаю: «Сейчас все бы съела!» А Батюшка провидел и говорит: «Ну что ты сидишь, не кушаешь? Бери и ешь!» А мне неудобно: остальные же за стол еще не садятся. Тогда он сам дал мне и говорит: «Ешь. Наешься — больше не захочешь».

Еды, бывало, на столе корочку оставишь или еще что, он сразу брал и доел: не благословлял, чтоб оставили.

Молитвенник Батюшка был большой и спать почти не спал.

Вот раз приехал к нам, а у нас в коридоре стоит сузудчок. Он спрашивает сестру: «Что там у тебя?» Повыврал все вещи, сложил и отнес неизвестно куда. Говорит: «А ей еще дадут», — он не любил, чтобы стужане имели. Говорил, что нужно раздавать, раздавать и раздавать.

На приходе у нас служил отец Александр. Батюшка ему прислал в посылке миндальные орехи. Отец Александр и говорит: «Наверно, я помру, раз Батюшка мне прислал». И он, в самом деле, умер.

Жил у нас священник отец Варсонофий. Приехали мы с его сестрой в Тбилиси к Батюшке, отец Виталий посадил нас на пол — он всегда любил на полу сидеть — и спрашивает: «Ну почему отец Варсонофий с прихода ушел?» Мария — сестра отца Варсонофия — сидит и молчит, а я говорю: «Батюшка, да там холодно». Он мне: «Искушение с тобой! Я тебя не спрашиваю. Се-

делать уколы, и после очередного он умер.

Батюшка Виталий нам перед этим дал много черного материала, а мы и не догадались, почему. Говорит: «Дома своим раздашь». Мы приехали, начали раздавать, а потом вдруг отец Варсонофий умирает.

А еще одному Батюшке отец Виталий прислал черные платки. И тот тоже помер...

Мне пять раз делали операцию. Поехали мы к Батюшке, а я и говорю ему: «Мне снова предлагают операцию, а я уже не могу — сил нет». А он в ответ: «Искушение с тобой! Ты знаешь: как в сказке у тебя получится». Перекрестил мне бок, где должны были операцию делать, и сказал: «Все будет хорошо». И правда: я вернулась домой, меня положили в больницу, сделали операцию... и на восьмой день выписали! И все с тех пор прошло — исцелил меня Батюшка.

Матушка отца Павла болела, и врачи ее домой из больницы выписали помирить. Принесли ее при нас к Батюшке на носилках. Он пошел, свечки большие поставил, начал над ней читать, потом маслица принес, помазал и ска-

зал: «Нет, она жива будет». Подошел еще, помазал святым маслицем и спрашивает: «Ну, как теперь будешь, мать Серафима? Поднимайся!» Она поднялась, села, покушала — на моих глазах он ее исцелил.

Одному рабу Божию из нашего села должны были сделать операцию. Его сестра приехала из больницы и плачет: «Брату будут операцию делать!» Говорю: «Да пусть он Батюшку отца Виталия попросит, чтоб тот ему помог». Она приехала к брату, сказала ему, а он как на всю больницу кричит: «Отец Виталий, помолись, чтоб мне операцию не делали!» А на другой день стали смотреть, а у него ничего нет, и операцию отменили.

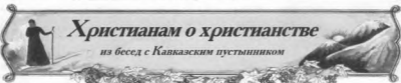
И так во всем попросишь его хоть издалека, хоть откуда — он всегда поможет. Я и из дома в другой раз попрошу: «Батюшка, помолись!» — и сразу облегчение получаю.

Дай Боже слезы омовения. Вы не оди, а вокруг: Господь, Божия Матерь, Святы Ангелы, Небожители, Божии люди. Только любите — и весь мир и все станут Вам родным.

Из писем схиархимандрита Виталия

стра сидит, а ты отвечаешь». Говорю: «Батюшка, простите меня». Он ее спрашивает: «Ну, почему ты молчишь? А если что случится — кто будет за это отвечать?» Она молчит. Я говорю: «Батюшка, простите — а как поступить-то? А то она молчит, а мы удем и не узнаем». Он говорит: «Нужно уйти с этого прихода — иначе беда будет». А мы думаем: «Почему он уйдет? Случится там что или еще как?»

Приехали домой. Я отцу Варсонофию рассказываю: «Вот так и так: Батюшка благословил, чтоб Вы уходили». Он говорит: «А куда я пойду?» Я его увещаво: «Батюшка, это же отец Виталий благословил!» А он в ответ: «Да мне некуда идти». Я ему и так, и эдак говорила, и рассказывала, и убеждала — он все одно. Владыка наш приехал, он с ним поговорил и остался на том же приходе. И, в конце концов, под Крещение он заболел, стали ему

Христианам о христианстве

из бесед с Кавказским пустынноиком

"Будьте аки дети"

(по письмам старца)

Многочисленные письма к монашествующим и мирянам известного старца схииеромонита Виталия (Сидоренко), безусловно, составляют богатейшее духовное наследие современности. Темой для настоящей «Беседы» явились некоторые письма отца Виталия к автору рубрики «Христианам о христианстве». «Беседа» разделена на две части. В начале каждой части приводится полный текст письма, затем — отдельные его части с необходимыми комментариями и пояснениями. Также автор отчасти делится с читателями своими воспоминаниями о старце.

«Благодать Господа и Спаса нашего Иисуса Христа, и любви Бога и Отца, и причастие Святого Духа буди со всеми вами.

Благодать Божия да хранит вас, утешает, бдит, помогает, путешествует путем спасения. Господь и Бог наш Иисус Христос святыми пречистыми усты рек: «Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем и обратите покой душам вашим». И пакы: «Терпением вашим приобретайте души ваши». И пакы: «Претерпевый до конца, той спасен будет». Нужныи восхитают Царствие Небесное. Нас на жизненном пути многие скорби сретають, испытания, страдания и недоумения. Сему врагерь Господь: Его худили, били, алкали, ругали, заушали, терновый венец одели; поносили, бичевали, нагаго ко кресту пригвоздили, копием пробили — и Он всех любил и любил; благословляет и прощает, все Свои милости изливает и помогает.

Не будем падать в уныние при всех скорбях, а благодарить и в Господе пребывать. Ему слава, хвала, честь, венец подобает со Безначальным Отцем и Живоначальным Духом во века. Аминь.

Челом вам до земли — всем отцам и матерям подвизавшимся. Христос посреди нас! Свясайтесь. Простите».

Вот это письмо — оно действительно соответствует жизни отца Виталия. Батюшка приводит в наизушение евангельские слова Господа нашего Иисуса Христа: «**Научитесь от Мене яко кроток есмь и смирен сердцем и обратите покой душам вашим**» (Мф. 11, 27). И при посещении батюшки можно было наглядно видеть, как у него присутствовали обе эти добродетели — и кротость, и смирение. У Святых Отцов сказано, что кротость приобретается при покаяниях и при порицаниях (ужоужениях). У отца Виталия так и наблюдалось: приходили к нему духовные

чада, приезжали со всех концов страны, благодарили, кланялись, относились к нему с величайшим благоговением — читли как старца. А другие приходили и ругали его. И различия у Батюшки не было. Он и то, и другое принимал с равным помыслом, с равным чувством, ничем и лицею он не менялся: слушая и похвалу, и порицания, он сохранял ровность и тишость...

Вопрос: Вы сами это видели?

Ответ: Конечно. Также замечательный образец смирения проявлялся в его терпении: когда он болел, никогда не стонал, не «крякился»,

Схииеромонист о. Виталий

сохраняя даже некий благостный вид — как бы улыбку такую. Он страдал сильными головными болями, но загибал голову платком посылнее и улыбался — никогда не бывал печальным и мрачным, не говорил: «Ох-ох!.. ах-ах!..» (как мы обычно). Конечно, при внимательном взгляде можно было заметить, что он страдает, да и мигушка¹ говорила о его болезнях. Но внешне это никогда не проявлялось. Так что, действительно, на отца Виталия полностью исполнились те

¹ Мигушка Мария (в старце Серафиме) — келейница отца Виталия. (Прим. ред.)

евангельские слова, которые он привел в своем письме – *«Терпение вашим приобретаете [т.е. спасаете] души ваши»*.

А болел он – и нога у него гнила, бедро (остеомиелит у него, кажется, был), и других болезней было много. А он все терпел с благодушием и внешне никак не выражал своих страданий. У него было безропотное терпение. Потому что сказано: «Не передавайте своей скорби другим». (Одной блаженной старице, когда она была восхищаемая в Царство Небесное, было сказано: «Не передавайте своей скорби другим», т.е. терпеть награда). И вот у отца Виталия эта добродетель терпения была на высшем уровне – он

все терпел сам в себе, не жалуясь, даже не проявляя страдальческого вида, не выказывая ничем, что он болен и терпит.

Заслуживает также внимания тот факт, что отец Виталий «недоумения» ставит в один ряд с прочими искушениями: говорит, что *«нас на жизненном пути многие скорби встретят, испытания, страдания и недоумения»*. А мы обычно не понимаем того, что недоумения – такое же явление в духовной жизни, как и прочие испытания и скорби, и выпадают от них в расслабление, смущение, ропот, уныние и т.д.

Далее отец Виталий говорит, что *«не будем падать в уныние при всех скорбях, а благодарить и в Господе*

пребывать». Думаю, что эти слова можно поставить эпиграфом ко всей нашей жизни: *«не будем падать в уныние при всех скорбях, а благодарить»*. Ведь, как говорит святитель Игнатий Брчанский, благодарения души еще больше получают милости от Бога, а неблагоприятная терпит и то, что имела. И если будем благодарить Бога за все, то Господь будет нам помогать и утешать, избавляя нас от скорбей. Благодарение сильно Богом всецельным; благодарная душа сподобляется Богообливания, а неблагоприятная удаляется от Него как неверная, нетерпеливая и неразумная. Так что вот это самое главное: *«не будем падать в уныние при всех скорбях, а благодарить и в Господе пребывать»*.

Прочитав еще одно (писальное) письмо отца Виталия. Сначала он на четырех языках написал «Христос воскрес!», и далее:

«Отче, ...Господь учит любить, терпеть, смиряться, каяться, молиться, искать путь в Царствие Божие, – а все прочее приложится».

Господь еще реч: *«Будьте как дети. Аще не будете таковыми, не можете быть Ему детьми»*. Всех любя, по силе молясь, терпя, смирясь, ни на кого не озлобясь. *«Если будешь любящим, то и не будешь подозрения. Иней в своду всех людей на свете папами и мамами, тогда Дух Божий будет почивать [в душе]. Дитя ничего не знает: оно покойно, доверчиво, безстрастно. Обо всех людях на свете думай, что их любит Господь, и [что на них] почивает Дух Свят, а себя во всем вати, смирясь, укоряя, по не отщиваясь. Отец Андрюшек, где ни был, всех людей считал – мужеский пол: патриархами, епископами, старцами; женский пол: игуменьями, старичами и мамами. Со всеми мирно жил, совещивался, дотя его бил, душили...»*

«...[Нужно], чтобы [все] верили живо Богу, Матери Божией, Святых, [а также] усердно молзились, отеркая свои воль. Тогда где кто ни живет – спасется. Бог не попустит погибнуть [им], как малым детям. Ему – слава, аминь».

«Клянемся, целуем стопы ваша, благодарим, молимся. Простите. Спаси вас Господи».

«Господь учит любить, терпеть, смиряться, каяться, молиться, искать путь в Царствие Божие» – потому что это самое главное для нас. Господь хочет, чтобы мы жили, зная, для чего мы живем. А то ведь мы живем «просто так», «живем, потому что живем» и не ставим себе цели в нашей повседневной деятельности. Потому отец Виталий и перечисляет, что нам необходимо для настоящей духовной жизни: *«терпеть, смиряться, каяться, молиться, искать путь в*

Царствие Божие». При таком настрове нам *«все прочее [жизнейское] приложится»*.

И дальше: насколько важно иметь ко всем детское (т.е. чистое, искреннее) отношение. *«Будьте как дети. Аще не будете таковыми, не можете быть Ему детьми»*. Ведь дети обращаются к родителям без всякой подготовки – чисто сердечным. И в горе, и в радости они бегут к родителям и все им рассказывают. А мы и пред Богом, и пред людьми начинаем из себя что-то «строить» и

теряем эту детскость, т.е. нашу сердечную простоту. А ведь если не будем иметь ее, то и не сможем стать Господу детьми.

«Если будешь любящим, то и не будешь подозрения». Мы должны любить каждого человека таким, какой он есть. Ведь Господь любит его, Господь терпит его, Господь промышляет о нем. А почему мы начинаем озлобляться и желать человека, неприятного нам, «куда-то подалее загнать», чтобы его не видеть и не слышать? Господь, всех

видя, при этом всех терпит и всем благодетельствует; промышляет, подает здоровье, продляет жизнь... А мы хотим быть с Богом, но не хотим быть такими, как Бог по отношению к нашим близким.

Вот на отца Виталия нередко и озлоблялся, и ожесточался, и дивней его называли, и святошей, и говорили, что он в прелесть – ну, в обшем, кто что хотел, то и говорил. А он всем благотворил. Один священник сильно озлобился на него, а отец Виталий собрал все деньги, какие были, и говорит: «Батюшка, вот у меня деньги собраны, они мне не нужны. Может, вам будет нужнее?..» И таким образом батюшку смирил, и батюшка успокоился.

Вопрос: А как эту добродетель смирения не спутать (в подобных случаях) с человекоуловием?

Ответ: Зло должно быть побеждено добром. Отец Виталий поступил так не потому, что искал для себя какую-то выгоду от того священника, а потому, что просто хотел его успокоить. А успокоить он знал чем: если деньги дать – тот успокоится, и, таким образом, погаснет злоба и ненависть.

«Дитя ничего не знает: оно покойно, доверчиво, безстрастно». И, действительно, если мы это возьмем за правило своей жизни, то будем в покое. А то ведь мы: то услышали, то узнали, то «раскопали», то заметили... И начинается подозрение, осуждение, оклеветание: «Ты, знаешь: оказывается, он (или она) вон какой (или какая)!..» «Он, я думал, хороший человек, а он, по-видимому, козуды. От него надо уберечь!» «Он вот со сказал, вот это сделал – точно!.. уже сто процентов он такой-свой!» – и все подозрения принимаем. А если мы принимаем подозрения, следовательно, уже идет буря помыслов. За ними – чувства осуждения, укорения, зложелательства: «Ну, все! Надо ему то-то сделать!» И начинается целая цепь грехов. Потому что отец Виталий говорит, что нужно уподобляться детям, ибо **«дитя ничего не знает: оно покойно, доверчиво, безстрастно».**

«Обо всех людях на свете думай, что их любит Господь, и fatto на их / почивает Дух Святы». А мы никак на это не настроимся. «Да он как бесноватый! Да она такая-си-кая!» Если мы на человека смотрим, как на храм Духа Святого, то мы и относимся к нему иначе. А если мы смотрим на человека, как на скопище разных страстей и орудие бесов, то мы такое самое и получаем. Потому что какую меру мерим, такую возмеряется и нам – и в нас подобным образом воскапает страсти.

«А себи во всем вини, смириши, укоряй, но не отчаивайси». К сожалению, мы зачастую не имеем такого делания. Если и начинаем себя заирать – укорять, раскаиваться и

пол: патриархами, епископами, старцами...» Я, конечно, не знаю, как было у отца Андроника, но мне возмущало так: если отец Андроник видел какого-то епископа (может быть даже с какими-то человеческими недостатками), то думал, что он может быть патриархом, и почитал его. Если видел архимандрита, то считал, что тот будет епископом. Если видел простого раба Божия, то считал, что если он будет подвизаться, то будет старцем. И почитал «пророка во имя пророчес».

У апостола Павла есть такое выражение: «честно друг друга блаженствуйте» (Рим. 12, 10), – т.е. принимайте друг друга с большой честью, чем он того достоин. Преподобный Исаак Сирин говорит: «Клянись и целуйте ему руки, творя ему честь выше его достоинства». И если такой человек даже и грешит в чем-то, то к... своему Господню стоит или падает. Сила есть Бог поставил его» (Рим. 14, 4). Если мы не унизим его, а, наоборот, выражаем ему свое почтение, то он самым этим нашим почтением подвигается на исправление – совесть его укоряет, и он старается исправиться: «Вот: меня почитают, меня принимают, а я-то на самом деле этого не достоин!» И старается исправиться. Таким образом, мы человека заводим на путь спасения, на путь покаяния, на путь исправления. А если мы укорим его с неприязнью (ну, допустим, вывели его, то от этого оскорбления только озлобится: «Да, нужны вы мне, такие-сякие!» И еще больше начнет грешить. Потому что отца Виталия была такая «духовная тактика» – любовь. А мы на это не обращаем внимания и укоряем человека.

А укорили – следовательно, мы его втоптали в грязь, и он в этой грязи остается и в еще большую падает. Вот потому батюшка говорит, что «почитайте всех».

А еще интересно батюшка говорит про отца Андроника, что он **«...женский пол / почитал: юзменными, старцами и мамами...»** Если бы мы все так смотрели на противоположный пол, то не было бы у нас нечестных помыслов. А по той причине, что так делаем – потому и обуряемся страстями и грехами.

сокрушаться, то мы отчаиваемся: «Ну, все! Какое мне теперь спасение! Я пропал! Мне уже нет спасения! А если нет мне спасения, то зачем мне и подвизаться, зачем мне и в монастырь быть, зачем мне молиться? Все, конец...», – и так далее. А тут – наоборот. Отец Виталий говорит, что себя нужно укорять, но, тем не менее, не отчаиваться, потому что у погнбавших есть Спаситель. Нужно учиться стоять на этой тонкой грани, потому что иначе мы не сможем понастоящему смириться.

«Отец Андроник, где ни был, всех людей считал – мужеский

...Ну, «мамками» относиться к каждой женщине, как к маме. Мы же не принимаем никак-то нечистых мыслей, когда находимся рядом с мамой. Вот так же и здесь. А с теми, кто в монастыре, тем более подобает обращаться, как с гнуменными и стариками. Тогда, действительно, мы не будем повредяться при взаимоотношении с другим полом – если будем видеть в каждом человеке храм Духа Святого.

«Со всеми мирно жил, советовався, хотя его бил, душил...»

У отца Андроника было много скорбей в жизни – он пережил гонения, ссылки, тюрьмы. Мне рассказывали такой случай. Накануне ареста отцу Андронику было предупреждение (было сказано, что «бери с собой Запасные Дары»). И

отец Андроник приготовил сухие Запасные Дары. Когда его арестовали, то он боялся: он же знал, что там ведь обыскивают. И вот уже посадили в эшелон... и когда с эшелона выводят – обычно сразу заводят в распределительный пункт, где обыскивают. И обыскивают очень тщательно – Дары обязательно бы нашли, забрали и неизвестно, что с ними было бы. Отец Андроник сильно молился, не знал, как быть. И вот только их вывели из вагонов – вдруг подходит один начальник и говорит:

– Лукани? Здесь есть?

– Есть.

– Иди сюда!

Он подошел.

– Так: в сторону! – и его отвел.

Всех начали «вмонать», «числить», а его в сторону, он стоял. Потом оказалось, что этому начальнику было ночью вразумление, что «придет с эшелонам такой-то человек. Возьми его и держи отдельно».

В общем, Промысл Божий об отце Андронике был особый. Хотя пережить ему пришлось, конечно, много. Как вот батюшка пишет, что его и били, и душили. Но отец Андроник, тем не менее, сохранял ко всем любовь.

Отец Виталий дальше говорит: *«...чтобы верили живо Богу, Матери Божией, Святым, усердно молились, отсекая свою волю. Тогда где кто ни живет – спасется»*. Вот это нам усвоить просто необходимо. А то ведь мы проде бы и верующие, и молимся, но живой веры не имеем, не обращаемся в скорбях, недоумениях и смущениях к Богу, а ищем «кого-то» или «чего-то». Или утопаем в своих мыслях, желая делать только то, что нам хочется. Потому батюшка и настаивает, *«чтобы верили живо Богу, Матери Божией, Святым. Усердно молились, отсекая свою волю. Тогда где кто ни живет – спасется»*. При таком условии можно спастись на всяком месте. А если мы живем по своей

воле и не проявляем настоящей веры, то где бы мы ни были – или в обители, или в затворе, или в пустыне – какой толк? Никакого. Все попусту.

Далее батюшка говорит: *«Бог не попусту посылает, как малым детям. Ему – слава, аминь»*. Если родители зашивают и охраняют своих детей (и чем, конечно, они могут), то, тем более, Бог спасет нас, если мы по-детски – чисто и искренно – будем обращаться к Нему.

Все это письмо отца Виталия – фактически, наущение: как мы должны по-детски, безо всякого лукавства обращаться к Богу и к нашим близким. Если мы будем этому учиться, значит, мы спасемся.

Вопрос: Отец Виталий так сам жил?

Ответ: Конечно. И все чувствовали эту любовь, простоту и искрен-

ность. А сейчас мы слишком «умные» стали, потому и страдаем.

Вопрос: А как до этого «дорастить»?

Ответ: Этим нужно просто заниматься. Поставить себе цель: воспитывать в себе детскую простоту и отрывать от себя сложность. И упрямиться в этом. А то ведь мы начинаем видеть всю «программу» грехов и страстей в своем ближнем. И тогда развивается подозрительность. А при подозрительности развивается сложность и образует «сложноподчиненный заворот» мыслей, который мучает нас.

Вопрос: Так, что: получается, ничего не думать? Просто: «Господи, вразуми», – и все?

Ответ: Нужно молиться, к Господу обращаться и пред Господом¹ общаться с каждым человеком – в простоте, смиренности и благоговении. От человека, конечно, можно ожидать всего злого, но поскольку мы смотрим на Бога, а Бог – на нас, то мы знаем, что если Он и попустит какое-то искушение (т.е. без скорбей и искушений не совершается наше спасение), то и поможет его понести, т.е. мы надемся на Него, а не на себя. А попустит только то, что нам полезно.

Вопрос: Думается, что это надо такого (Божиего) человека иметь перед собой образцом, ведь только на живом примере можно чему-то научиться...

Ответ: Да, конечно – это проще всего. Но сейчас найти такой пример весьма-таки не просто.

Вопрос: А как же тогда учиться?

Ответ: А так: просить Господа и Он будет научать. Ангел Хранитель есть у нас – вот он будет научать. А если Господь благоволит, то может послать и пример. Лишь бы было наше желание, стремление. Надо положить начало, а Господь будет помогать. Так что помогай, Господи, всем нам быть аки дети и войти в Царство Небесное молитвами отца нашего Виталия, Аминь.

¹ Фамилия отца Андроника. (Прим. Ред.).

¹ Т.е. храня память Божию. (Прим. ред.)

ПОДВИЖНИКИ ЗЕМЛИ ЛИПЕЦКОЙ

Иоасаф, старец Оптинский

Из воспоминаний келейницы, схимонахини Николаи, насельницы Снетогорского монастыря

(Описание. Начало в № 29)

Ну вот, уголь у нас уже есть, но это еще не все. Теперь дрова нужны. А дрова в то время связками продавали на базар. В одной связке – 10 килограммов. Прихожу на базар, в очередь встаю. Продавец на вид неказистый, такой горбатенький, и все его зовут Иваном. Я у одной спрашиваю: «Как же его отчество?» Она говорит: «Александрович». Ну, я подхожу и зову его по имени и отчеству: «Иван Александрович». Он прямо так рад сделался, что его так назвали. Я говорю: «Нельзя ли мне две связки взять? Я с работы отпросилась, не могу же каждый день отпрашиваться». Он говорит: «Встань вот тут рывашком». Я встала. Стою, долго стою, уж ноги стали замерзать. Думаю: «Издеается надо мной этот горбатенький, чтоб я, дура, стояла себе на морозе. Он, вода, забыл про меня». И только хотела я к нему уже подойти и сказать чего-нибудь грубо – глянула: дрова на машине везут, метровые, березовые. Он ко мне поворачивается: «Так, гражданка, заплати 6 рублей в кассу и поезжай с этими дровами». Народ возмущаться стал, роптать. А он говорит: «Этo вышним детям в школу дрова». И все замолчали. Дрова привезли, брат говорит: «Ну, это чудеса просто, дров полно у них, и какой уголь! И в такое время!» Мама ему отвечает: «Наверное, это не просто. Ну ладно, Бог с ним, пусть живут».

Излечение

Батюшка вообще Матерь Божию сильно чтит и всегда Ей молится. Он к Ней очень большое доверие питал. Однажды он заболел сильно, так что надо было срочно операцию делать. Положили его в больницу. Там говорит: «Надо немедленно оперировать, а то до утра не дожидает». Со-

Жизнь одного из последних Опти́нских старцев преподобного Иоасафа (Моисеева), скончавшегося 7 апреля 1976 года, практически неизвестна православным христианам наших дней. Жил он в затворе, в провинциальном городке Грязи Липецкой области.

брался консилиум врачей, все приговорили. Пришли за батюшкой, а он на койке лежит и все твердит: «Матерь Божия, Ты мне помози». Ему говорят: «Если мы тебя сейчас не

Отец Иоасаф в годы юности

прооперируем, то никто тебе не поможет». Он, как только эти слова услышав, то так оскорбился за Матерь Божию, что отвечает врачам: «Раз так, то я у вас лечиться не буду. Мама, едем домой». Что делать? С ним не поспоришь. Домой приехали, привезла и батюшку в келью и побегала за отцом Андреем. А дело к вечеру уже. «Пойдем, – говорю, –

отче, надо батюшку причастить». Он отвечает: «Ну, завтра утром и схожу». – «Да врачи сказали, что не дожидает он». – «Дождет», – возражает отец Андрей. И не пошла. Утром он приходит, а батюшка хвалится: «А у меня не болит ничего». И ко мне обращается: «Мама, дай нам поесть чего-нибудь». А потом врачи из больницы приходили узнать про батюшку. Но я их не пустила. «Живой, – говорю, – ничего не болит», – «Дайте нам посмотреть», – просит. «Нет, – отвечаю, – не так это просто». И не открыла им келью.

Молитва и пост

Расскажу, как он меня учил молиться Иисусовой. Когда только пришел из заключения, сразу на первом году поехали мы с ним на родину. И вот мы где-то шли пешком километром 15, дорога была через поле и рожь. Он вперед идет с Иисусовой молитвой, а я следы, и на уме всякие мысли. И чего только на ум не приходило. А он одно твердил мне: «Читай Иисусову молитву». А я один раз только, может, скажу, да и больше не говорю, мысли разбегаются. Вот он мне и говорит: «Иди вперед и не оглядывайся». Я иду. Встречаются четыре дороги на перекрестке. Я остановилась, по какой идти, не знаю. Оборачиваюсь, а батюшки нет. Перепугалась не на шутку и за него, и за себя. Что делать? Побежала на бугорок, там была мельница разваленная, залезла на нее и стала смотреть. Увидела владыке как бы точечку черную и прикомом туда. Нахожу батюшку, все в слезах, укорюю его. Он говорит: «Вот слушаю: когда человек без молитвы, от него отходит ангел, и он не знает, куда идти. Ты же инокиня, почаще думай о том дне, в который примидла святое постраение, и помни всегда, в каком состоянии душа в тот момент находилась. Вот я отсюда

20 лет, было тяжело в заключении, но я всегда звал к Господу, Надо Господу молиться, носить имя Его в сердце, в уме, на устах; с Господом, с Иисусовой молитвой, спать, жить, ходить, есть, пить. Если нет такого привычки, стелаются плохие мысли, а все плохое отгоняется Иисусовой молитвой.

Батюшка большой молитвенник был. Вставал на правило утром, в три часа. Я на работу ночью пойду, а он все продолжает. К обеду возвращаюсь в двенадцать часов, чтоб самой поесть да его покормить, а он все молится. Вот он пообедает, пойдет дрова поколет. Любил очень это занятие, никому не давал. На работаете так, что самому до келья не дойти. Я его обратно сама тащу. Со стороны кто посмотрел бы, так непременно сказал бы, что я над ним издеваюсь. Чтоб он отдыхал, так я как-то этого не видела. В четыре часа дня опять за правило брался и часов до восьми молится. Перед вечерним правилом всегда чай пил, но после молитвы уже не вкушал больше. Потом, после вечерней молитвы, сидел книжки свои читать, а когда спать дождется, я того и не знала. Спать пойду к маме, а он все читает еще. Я иногда замечала, что молитва у него самодвижущаяся была. Как-то прихожу к нему за благословением в храм идти, а он сидит и «Богородицу» читает, громко так, четко. Стою, жду, когда он кончит, а он и не думает. Читает одну за другой. Я не вытерпела и окликнула его: «Батюшка!» Он как проснется, от неожиданности испугался так, что в ногах у него судорога началась. Я ноги ему растираю, а он мне говорит: «Зачем ты меня будила? Я ведь только заснул и так спал крепко. Ты меня в другой раз не буди». — «Как же, — отвечаю, — ты спал? Ты же «Богородицу» читал». В другой раз приду к нему, стану обед готовить, а он так углубится в молитву, что не слышит ничего. Потом я громкохну чем-нибудь, он встрепенется и спросит: «А когда ты пришла?» Пойдет во двор строгать себе столик какой-нибудь, опять молитву про себя читает, ничего кру-

гом не замечает. Мальчонка брата моего начнет у него потихоньку инструмент таскать, батюшка не видит его. Я приду, он мне начнет жаловаться: «Куда у меня весь инструмент пропадает? Кто-то берет, а я не вижу». Всегда он в молитве был. Но она к нему не просто так пришла, а через лагеря. Он, как сам мне говорил, в заключении молитве научился.

святитель Симеон

схимник Иоанн

Причащение

Один раз, когда батюшка причастился, на Петра и Павла, он же в крещении Петр, я его под руку веду, а он мне говорит: «О, да что ж я тебе не показал, глвн, в алтаре стоит уголки». А я говорю: «Я не вижу». — «Да хвтит тебе, как не видишь? Идем, я тебе покажу. Ну вот, смотри». Ну, в что мне смотреть? Он видит, а я нет. Он даже расстроился, что я ему так отвечаю. Пришли домой. Батюшка вечером правило читает, а я за ним; ни коленях стою, Двери закрыты были. Вдруг Женщина входит и прямо на пол кладет фрукты. Такие несъезженные! «Вы только молитесь. Я все вам предоставлю», —

говорит. Я зову: «Батюшка!» А он не любит, чтоб его окликали, когда он молится. Но тут повернулся, посмотрел и произнес только: «Ну вот». И читать продолжает. Я обернулась, этой Женщины нету, и фрукты как-то исчезли. В другой раз вот как было. Пригласена я отцу Андрею причастить батюшку. Он часто причащался. Отец Андрей к нам всегда под вечер приходил, после того, как всех обойдет. Он знал, что батюшка терпеливый. Другие не выдержат, возьмут да поедят, а батюшка хоть до завтрашнего дня ждать будет. Я стою, жду отца Андрея на улице, а его нет и нет. Потом пошла в келью погреться. Батюшка мисе и говорит: «Мама, я причастился уже, приходил священник — красивый такой, в сопровождении двух диаконов». «Да нет, — говорю, — отец Андрей не приходил еще, а же на улице стою». — «Как хочешь, Мама, а меня причасти», — настойчиво так и спокойно он мне отвечает. То же самое он и отцу Андрею рассказав, когда тот пришел. Но отец Андрей его все-таки причастил.

Прозорливость

Батюшка много предсказывал. Часто он вздыхал: «Ах, много я не доживаю, ведь Оптину-то открыто». Мама, бывало, скажет на это: «Хоть нашу бы церковь не закрыли». «А на Россию будут все лезть, будут ее делить», — говорил он. Однажды было ему видение, это еще в Митинском Заводе, у них там пруд есть, в поселке. Батюшка подходит к пруду, птица плавает на воде. Он спрашивает: «Ты откуда?» А она отвечает человеческим голосом: «Из-за границы». — «Ты зачем сюда?» — «А чтоб людей прельщать и мир возмутить», — отвечает. То есть, ему было открыто, откуда вся грязь в Россию полетает. Говорит, что женщина себя обезобразит так, что даже не будет похожа на женщину. На дорожку батюшку Иоанна Кронштадтского сделал венок из фольги и повесил в келью. А я говорю: «Да ведь он еще не прославился». А он говорит: «А у меня кельею прославлен». Так обиделся за батюшку Иоанна Кронштадтского, что не стал

даже кушать, когда я еду принесла. А потом я говорю: «Но вещей-то ему идет!» — «Ну, вот так и надо», — говорит, — давай теперь кушать!»

Но прозорливость свою скрывал. Нас, к примеру, навещали архиепископ Евсейев, схиархимандрит Серафим, иеросхимонах Нестарий, схикумен Митрофан. Когда его о чем-нибудь спрашивали, то он возмёт тетрадочку, да и начинает по тетрадочке говорить. Я спрашиваю: «Батюшка, а почему ты не скажешь им от себя? Скажи им своими словами, ты же ведь знаешь, что скажешь». А он говорит: «Нельзя, Маша, если я себя раскрою, то меня здесь не будет. А меня Матерь Божия благословила в этом месте жить». Потом и я стала говорить на батюшку: «Да у него головка больная». В поезде с ним сидеть невозможно было. Сейчас, думаю, какой-нибудь подсадет, а он обязательно ему про Царя скажет: «Царь-то пошел на небо, я видел». Поэтому, как кто с ним заговорит, я сразу: «Ну дождись, ложись. Ди вы отойдите, я его с больными везу, а вы разговоры заводите, с ним опять плохо будет. Уходите, уходите». — «Маша, — укорит он меня, — что ты такая грубая, зачем людей гонишь?» А как не гнать? Он прямо сейчас скажет: «А крестик на тебе есть?» А ведь все без крестов, ни у кого нет. «Эк, ведь, сатанище, всех в руки свои взял, все кресты посинимал», — это слово обязательно скажет. За такое слово в то время посадят, хоть бы что.

«Я даже рад, что пострадал»

Дух батюшка имел безстрашный. Ничего не боялся. Один раз было, он сам рассказывал, вылезает из земли крот и прямо человеческим голосом ему говорит: «Да я риза я тебя некушал, но ты не соблазнилась. Вот в третий-то раз обязательно некушу». А батюшка говорит ему так смело и безобоязненно: «Если уж ты два раза меня не искусил, то и третий раз не искусись». Как-то выборы у нас были. Я предупреждаю его: «Смотри, никому не открывать, голосование будет». — «Что за

голосование?» — «Да каких-то судей выбирают». — «Да ну и пусть зайдут». — «А чего ты им скажешь?» — «А я отвечаю: у меня Судья вон где». И показывает на небо. «Чего, — говорит, — я не знаю, что ответить?» Ну, думаю, не миновать беде после таких его речей. Тогда я к квартирной сестре, с Днем Ангела ее поздравлю, отнесу ей чего-нибудь в подарок. Она расчувствуется: «Ах, ах, меня никто не поздравляет, а ты,

Маша, одна поздравила». Я скажу: «Екатерина, голосование будет, а ведь дедушка-то мой непорочный». А она: «Да я его вычеркну». Я опять: «И я-то ведь приду в 12 ночи». — «Да я и тебя вычеркну», — на том и порешим.

Было ему видение: заходит он в алтарь и видит, лежат подряд младенцы, убитые за Христа, и себя возле них лежащим видит. И вот он говорит: «Да может еще придется пострадать». А сам так весело говорит. Я ему: «Батюшка, хватни, жизни 20 лет отняли». — «Да прошли, Маша, они, как ничего и не было. Я даже рад, что пострадал», — только я ответит.

Рыба желчь

Лет за десять до кончины у батюшки стало падать зрение. Один глаз покрылся пленкой и перестал видеть, и другой почти не видит. Батюшка больше всего за правило переживает: как же он его читать будет? Ведь у него одно утешение в жизни — его молитвенное правило. Я назначаю батюшке день и говорю: «Я тебя к врачу свожу». Он согласился. Врач осмотрел его и говорит мне: «Зрения уже не восстановишь, хватни на его век и того, какое у него сейчас есть. Чуть-чуть видит, и хорошо. Я ему сейчас капли выпишу для промывки глаз, чтобы он не сетовал очень, а больше от меня не ждите». Домой приходим, батюшка капли сколько ни льет, а улучшения никакого. А я-то знаю, в чем дело. «Брось», — говорю, — их, они тебя все равно не вычистят». — «Тогда, — батюшка отвечает, — буду Матерь Божию просить». Стал он молиться, а потом вспомнил, как в Библии рассказывается в книге Товита о снятии слезы с глаза рыбьей желчью. Тогда от этой желчи собрал и просит меня закапать в глаз. «Батюшка, — отвечаю, — ты что удумал! Весь глаз вырвет от этой желчи, она же сильная». И я отказалась. Тогда он упрямой захватил иеромонаха одного, он из Тамбова к нам приехал. Я с работы прихожу вечером, подхожу к двери кельи и слышу мольбу батюшкину: «Иисусе Сладчайший, Иисусе Сладчайший...» Тогда я догадалась, что отец Варсонофий ему закапал. «Ну, — думаю, — ноги его здесь больше не будут». Дверь сама открылась и спрашиваю: «Батюшка, сильные боли?» Он отвечает: «Больно, но ничего, ничего, будет на пользу». А глаз у него весь красный. Всею ночь батюшка простовал, утром глаз сам себе, потому что в оянт отказалась. На следующую день боли не такие сильные были. Через три дня глаз белевским стал, а был весь посивевший. Батюшка мне и говорит: «Смотри, глаз-то у меня уже лучше

стал. Что же ты охажь?» И давай во второй глаз капать. Я опять запричитала: «Этот-то, который хоть немного видит, не трогай». Но разве его остановишь? Я только ахала, а он крикит, но капает. Через некоторое время он мне говорит: «Маша, глазо у меня, который не видел, теперь зрячий». Я не верю, думаю, успокаивает меня, чтоб не зудела. А потом гляжу, он сам правило читает, без ошибок. До последнего дня читал, и даже без очков. Другие пробовали по этому рецепту лечиться, но ничего не получалось: не выдерживали более.

Кончина

Начался 1976 год, тяжелый для меня. Всегда батюшка был бодрый, жизнерадостный и все время говорил: «Обновися, яко орля, юность моя». Но в этом году уже не говорил, ждал своей кончины. Батюшка к смерти легко относился, ждал ее, как хорошего гостя. Скажет мне, бывало: «Монахи приходили с Оптиной. Дескать, браток, ну мы ведь тебя ждем». И начнет мне пересказывать: «Варисе приходил, Наркисе приходил...» — «Да зачем, — скажу с таким недовольством, — чего им тут делать? Зачем они сюда приходили?» — «А чего? Пусть, меня, вроде, зовут». А я так расстроюсь... За год до кончины батюшка стал ласковым в обращении со мной, а до этого был строгим. На правило, скажем, стою за ним, залюбуюсь, на него глядя, и про себя только подумано: «Где еще такой батюшка есть!» Он обернется, дверь передо мной откроет и скажет: «Ну-ка, выходи из кельи, быстро, быстро». Делать нечего, выхожу. А за год до кончины помогачел, все звал меня: «Маша, голубчик». Батюшке про день смерти открыто было. За год до его кончины прихожу из нерки, на Троицу дело было, а он спрашивает: «Сегодня не Благовещенье?» Я отвечаю: «Батюшка, да что ты, на Благовещенье ручьи текут и снег еще, а сейчас, смотри, уже ветки зеленые». Он говорит: «Ну узнаешь после, что это за день будет».

Вот подходит Благовещенье. Я в церковь на всенощную не пошла, с батюшкой совсем плохо было. Стала акафист читать. У нас церковь за пять километров была, не близко, пешком ходили, но нам в радость было. Видру слышу голос батюшки: «Мария, подожди». Я подхожу, а он сам весь сияющий, веселый. Я прошу его: «Батюшка, скажи мне что-нибудь». А он отвечает: «Возле меня стоит Спаситель и Матерь Божия». «Пусть Они тебе скажут, когда Они тебя заберут», — говорю ему. Он отвечает:

«Вот, руку мне жмет и что-то так мне говорит быстро-быстро. Думаю: «Батюшке легче стало, видеть, выдворавливает». И к маме побежала. Она перед этим была у меня и сказала: «Ты нынче не спи, он умрет». А как расплакалась, как к ней придралась: «Я разве без тебя не знаю? Чего ты мне такие слова говоришь?» Вот, мама приходит к батюшке, я следом иду. Подошла она к нему, а потом говорит мне: «Ну, не теряйся, он уж ушел». А я даже не поняла нисколько. Такой веселый, такой сияющий, улыбается. Так разве умирают? И все свое думаю: «К Пасхе встанет, вот уж стал разговаривать».

Похороны

Племянник в 3 часа утра пошел, дал телеграммы о кончине батюшки, и уже к обеду приехал с Ельды схимонах Серофим, а к вечеру из Сергиевой Лавры Владыка Евсевий — он тогда там наместником был. Потом приехал иеросхимонах Нектарий с Воронежа. Отпевали его в кельи. Владыка Евсевий возлагал. Он батюшку очень чтит, и батюшка к нему всегда ласков был. А перед кончиной своею полумантию ему подарил, так Владыка очень ценит его полумантию. При выносе гроба неизбежно откуда налетели пчелки, начали все от них отмахиваться, но они никого не кусали. Три пчелки, пока в могилке шли, так над головой батюшки все и кружились, не отлетали никуда. Чудно было смотреть. А когда стали опускать гроб в могилку, опять множество пчелок появилось.

Люди могилку батюшки почитают, и даже исцеления на ней совершаются.

Батюшка еще при жизни меня предупреждал: «Мария, когда я умру, тебя про меня спрашивать будут. Ты много-то не рассказывай». Такое было его желание. Как при жизни его почти не знал никто, так и по смерти хотел оставаться в неизвестности. Смирный был очень батюшка.

«Благовещенская Матерь Божия тебе скажет». Я потом думала: «Вот как умно ответил. Напрямую мне не сказала, а то б я разохалась да заглохла. от меня-то тайна его смерти закрыта была. Уже отходил ко Господу, а ум у него вот какой ясный был». Я после этих слов пошла за раскладушкой, чтоб во сне увидеть, как мне Матерь Божия про его смерть скажет. Это в народе такое поверье, что под Благовещенье Матерь Божия во сне всю правду говорит. Батюшка спрашивает: «Ты зачем это?» Я чего-то там сыгнала, не помню. Он улыбнулся слегка. Я на раскладушку легла, но разве заснешь? В 2,30 ночи я встала, к батюшке подхожу, а он такой все-

(Продолжение. Начало в № 22-29)

Авва Антоний говорил: приходит время когда люди будут безумствовать, и если увидят кого не безумствующим, восстанут на него и будут говорить: ты безумствуешь, потому что он не подобен им.

Не одни только ученики Аввы Геласия, но многие, часто посещавшие его, рассказывали о нем следующее: во время Вселенского Собора в Халкидоне, Феодосий, один из первых защитников Дноскорова раскола в Палестине, предупреждая других епископов уже намеревавшихся возвратиться к своим церквам (а он был в Константинополе, уже изгнанный из своего отчества за всегашние вмешательства и возмущения), бросился в монастырь к Авве Геласию и говорил, будто Собор утвердил учение Нестория, думая таким образом увлечь святого на помощь своему обману и расколу. Старец по внешности сего человека и по разумению, слыше ему дивованному, проинвадил злое намерение Феодосия, не увлекся на сторону сего противника, как тогда сделали почти все; но отослал его с безчестием, как и прилично было. Он вывел на середину мальчика, которого воскресил из мертвых, и с важным видом сказал Феодосию: если ты хочешь рассуждать о вере, то вот он будет тебя слушать. Феодосий, пристыженный таким образом, устремился в святой Град, и там под видом ревности по Боге, увлекает на свою сторону все монашество, увлекает также и бывшую у то время там царницу, и таким образом, при ее содействии, силой занял Иерусалимский престол, предвосхитив его убийствами и другими нечестивыми и противозаконными делами, о которых еще и ныне помнят многие. Получив власть и достигнув своей цели, он руковоловил множество епископов, отнимая в тоже время престолы у епископов, еще не возвратившихся. Тогда он призывает и Авву Ге-

НИГОУНАЯ ПРОПОВЕДЬ

ЗАПОВЕДИ БЛАЖЕНСТВА

в изреченных и делах святых отцев, живших в IV и V веках

"Блаженни есте, егда поносят вам и изженут и рекут всяк зол глагол на вы ажуще, мене ради: радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех: тако бо изгнаша пророки, нже прежде вас".
(Мф. 5, 11-12)

Помни, что мученикам за веру Христову и ее исповедание Господь обещает великую награду небесную, т. е. преимущественную и высокую степень блаженства.

ласия, приводит его в храм, лаская и вместе утешая. Когда старец вошел в храм, Феодосий говорит ему: произнеси анафему на Ювеналия. Нимало не утрапившись, Геласий отвечал: я не знаю другого епископа Иерусалимского, кроме Ювеналия. Феодосий, опасаясь, чтобы и другие не стали подражать благочестивой ревности его, велел с безчестием выгнать его из церкви. Последователи раскола Феодосия взяли старца, обложили его со всех сторон дровами и грозили сжечь его, но видя, что он не боится и не страшится сего, и опасаясь возмущения народного, потому что Геласий был в большой славе (все же это происходило по Божию Промыслу), без всякого вреда отпустили мученика, который уже сам себя принес Христу во всеожжение.

Когда Авва Милсий с двумя своими учениками жил в пустынных местах, однажды два царских сына, братья по плоти, выехали, по обыкновенно своему, на

охоту, растянули сети нвольное пространство около 40 миль, и все, что ни попадалось в них, ловили и убивали копынами. В сетях нашли также и старца с двумя его учениками. Увидя Авву всего в волосах, похожего на дикого зверя, они изумились и спрашивали его: скажи нам, человек ты или дух? Он отвечал им: я человек грешный, пришел сюда оплакивать грехи свои; поклонись Иисусу Христу Сыну Бога Живого. Дети царские сказали ему: нет другого Бога, кроме солнца, огня и воды (которым воздавали они божескую честь). Пойди и принеси им жертву. Старец отвечал: боги ваши суть твари; вы заблуждаетесь; прошу вас, обратитесь и познайте истинного Бога, Творца вселенных. Так ты исповедуешь истинным Богом человека, осужденного и распятого? Спросили князья у старца. Старец отвечал: я исповедую истинным Богом Того, Который пригвоздил ко кресту грехи наши, и умертвил смерть. Но они начали мучить его и учеников его и принуждали их привести жертву. После многих мучений обезглавили двух братьев; но старца еще долго подвергали мучениям; наконец, подобно тому, как бывает на охоте, они поставили старца посреди себя, и пускили в него стрелы — один сзади, а другой спереди. Тогда старец сказал: поскольку вы оба вместе решились проливать кровь неповинную, то захра мгновенно, в этот самый час, мать ваша динитесь вас, и отнимется у нее любовь ваша: собственными стрелами вы прольете кровь друг друга. Они не обратили внимание на слова старца, и вышли на другой день на охоту. Во время ловли убежала у них одна лань: они сели на коней, и поскакали догонять ее, и, пустив в нее стрелы, возлили их друг другу в сердце. Так и совершилось слово старца, которое он сказал, предракая им наказание. Так они и умерли.

(Продолжение следует)

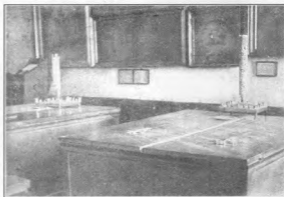
Возвращение праведников

10 октября для Задонского Богородицкого монастыря день особенный. Именно 10 октября 1993 года сюда возвращены были останки праведников, духовных наследников святителя Тихона Задонского, прославивших некогда своим подвигом обитель над Доном. И ныне, спустя десятилетие, по-прежнему памятен тот воскресный день, в который произошло событие, пожалуй, второе по значению в новейшей истории Задонского мужского монастыря, после перенесения сюда чудотворных мощей святителя Тихона в 1991 году.

По-настоящему праздничный, звучный перезвон колоколов разнесся тогда воскресным вечером над Задонском. Благовестом встречала Богородицкая обитель праведников, ее прославивших, что были исторгнуты из стен монастырских деревянными руками богоборцев в роковые для российского Православия годы.

Произошло это событие по повелению наместника Задонского Рождество-Богородицкого мужского монастыря архимандрита Никона (Васина) ныне управляющего епархией Липецкой и Елецкой в сане епископа. Будучи благословлен на должность наместника в Задонск, новый управитель Богородицкого монастыря с первых дней своего пребывания в должности прилагал немало усилий не только на то, чтобы устроить текущую жизнь во вверенной ему управлению обители, но и возвратить в ее стены те святые, коими была она некогда слава. А потому и обратил особое внимание на так называемую «Святую могилу» на Задонском городском кладбище, где, по рассказам старожил, похоронены те, кто некогда почивал в особую устроенной усыпальнице под алтарем трапезной Вознесенской церкви.

А были то старцы и стариха, чьи имена почитались не только в Задонске, но и в других градах и весях Руси православной. В усыпальнице, именованной по первому захороненному на этом месте

Усыпальница Задонских подвижников благочестия до революции

«Митрофановой пещерой», были упокоены сподвижник и собеседник свт. Тихона схимонах Митрофан; архиепископ Антоний I (Соколов); затворник Задонский Георгий (Машурин); схигумен Евсей; блаженный Антоний Алексеевич (Монкин), Христа ради юродивый Задонский; старца Евфимия Попова – юродивая и странноприимница; иеросхимонах-затворник Нафанаил (Остапов); «благий, благочестно-ревностный» иеросхимонах Агапит (Болховитинов); смиренномудрый иеросхимонах Авраамий. У стен усыпальницы покоились иеромонах Павел, бывший келейником схимонаха Митрофана, а позднее – духовником братии, а также иеромонах Иринея, более двадцати шести лет исполнявший послушание гробового иеромонаха при гробе свт. Тихона.

Первая попытка надругательства над чтимыми останками праведников совершена была сразу после того, как большевики утвердились в Задонске – зимой 1919-го. Но тогда разрушение гробниц остановило то, что открыты были сохранившиеся в неглубинной моши старца Евфимия Поповой. Испугавшись огласки, козунники оставили усыпальницу.

Окончательное разрушение «Митрофановой пещеры» произошло около 1930 года. Останки праведников, захороненных под сводами «Митрофановой пещеры», вывели на городское кладбище Задонска и захоронили в общей могиле, названной в тех пор народом «Святою».

Сохранилась запись воспоминаний о печальном этом событии жительницы села Тюнино Анны Семеновны Числовой, 1920 года рождения:

— Была я девочкой еще, играли с ребятами неподалеку от кладбища. Смотрим: подвода подьехала. А на ней – двое мужиков и что-то такое, попонками покрытое. Домотканными такими попонками, их уж теперь не делают. Вот мужики слезли с подводы и начали могилу копать. Оказалось, покойников привели. Мы поближе подошли, интересно было ребятишкам – всех в гробах хоронят, а этих – в попонки завернутыми. И что точно помню – не только кости там были, а и тело, только высохшее совсем, желтое такое. Положили их в могилку небрежно. Даже солдату, что в подводе подтелена была, туда повалили. Было это году в 1930. Не позже.

И вот, с возобновлением Задонской обители, встал вопрос о возвращении в ее стены тех, кто захоронен был в «Святой могиле». Но торопиться с этим не стали. Кроме свидетельств очевидцев-старожитов, никаких подтверждений того, что именно здесь захоронены праведники, не было. И только после всестороннего обсуждения и уточнения обстоятельств получено было благословение митрополита Мефодия (Немцова), тогда – правящего архиепископа Воронежско-Липецкой епархии.

В принципе, неуверенность сохранялась до тех пор пока могила не была вскрыта и не явились на свет неопровержимые доказательства правоты сбереженного в памяти народной.

Начаты раскопки были в 14.00... При вскрытии «Святой могилы», неглубоко под сварным надгробием, установленным верующими в более поздние годы, были обнаружены два черепа и кости. Ниже шла перемешанная земля с кусочками

увязали в один узел, да так и захоронили.

Многое оказалось довольно хорошо сохранившимся. В частности, хорошо сохранилось епископское облачение – одно из главных свидетельств в пользу того, что во вскрытой могиле покоились именно праведники из усыпальницы Задонского Богородицкого монастыря (ведь среди упокоенных был архиепископ Антоний I, почивший в стенах Задонского Богородицкого монастыря и похороненный в полном облачении). Среди прочих черепов выделяется один, судя по строению и размерам, – женский. Что также важно, ибо в захоронении должны были быть останки старицы Евфимии.

Вообще же состояние костяков свидетельствовало о крайней небрежности и спешке, с которой совершалось захоронение. Многие кости оказались переломлены, части скелетов перемешаны. О каком-то почтении тех, кому было поручено перезахоронение, к памяти умерших говорить не приходится. Склады опорожнили, увязали останки в «попонки» да и смысли в наскоро, а потому и неглубоко вырытую яму...

Раскопки проводились в присутствии всего задонского духовенства и монастырской братии, липецких благочинных отцов Василия и Александра, лебедянского благочинного отца Игнатия Кондратьюка, отца Георгия из села Двуречки и протоиерея Михаила из Воронежа.

Святая могила на Задонском кладбище

Около шести вечера извлеченные из земли останки разложили по приготовленным гробам и доставили в монастырь, где возвращение мощей и приветствовал праздничной пелерной.

Первоначально вновь обретенные мощи задонских подвижников благочестия XVIII-XIX веков открыто почивали в пяти гробиках, установленных в правом приделе Владимирского собора. Усыпальница, вмещающая ныне возвращенные мощи праведников, устроена трудами монастырских каменеров и граверов уже позднее.

Сейчас, в связи с десятилетним юбилеем знаменательного события, по благословению управляющего епархией Липецко-Елецкой епархией епископа Задонского Никона (Васина) начата работа по сбору материалов о Задонских подвижниках благочестия. Делается это для подготовки представления в Священный Синод Русской Православной Церкви с тем, чтобы причислены были к лику местночтимых праведников имевшие при жизни имя Господне «написано на челе их», что покоятся ныне под сводами Владимирского собора.

Л. МОРЕВ.

Гробницы Задонских праведников во Владимирском соборе

костей, а затем, на одном уровне, – 11 костяков и находившихся в одном месте остатки одежды, обуви, некоторые по ребельные принадлежности. По всей видимости, вещи, извлеченные из склепов,

(Продолжение. Начало в № 29)

споведь в храме шла так: одна из матушек читала исповедь отрывками до «прости меня, честный отец», а батюшка стоял в стороне и говорил: «Прощаю и разрешаю. Бог простит». Когда общая исповедь была прочитана, отец Серафим начинал частную.

Батюшка был делателем Иисусовой молитвы. Даже когда он отдыхал в келье, часто вздыхал и чуть ли не через каждые пять минут повторял: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного».

Отец Серафим не ел разные продукты, но всячески скрывал их. Матушка Евстратия рассказывала, что батюшка носил кирзовые сапоги с деревянными гвоздями внутри. Один раз после дождя батюшка пришел домой с трепь весь мокрый, и ему нужно было вымыть ноги. Снял сапоги, матушка Евстратия взяла их, чтобы поставить сушиться, поделала рукой в сапог и на что-то наткнулась.

– Батюшка, какие гвозди у Вас в сапогах! – изумилась она.

– А кто тебе батюшкелудь туда ладить?

– Батюшка, простите. Но какие там гвозди!

– Да какие ты там гвозди нашла? Там ничего нет, а ты какие-то гвозди выдумала!

Когда батюшка мыл ноги, он не разрешал, чтобы при этом кто-нибудь присутствовал, все уходило из комнаты.

Отец Серафим прославился своей высокой духовной жизнью, и молва о нем распространилась все дальше и дальше. Число прихожан возрастало. Приезжали из Сибири, Челябинска, Москвы, Ленинграда...

Многие хотели увидеть батюшку, получить наставление, приходили со скорбями, горем, приезжали и душевнобольные, одержимые бесом.

Когда одна из духовных чад батюшки приехала к отцу Кукше, он спросил, сколько людей бывает у отца Серафима. Та ответила, что много. Отец Кукша сказал: «Вот и хорошо, потому что когда много причастников, то много и благодати, а она держит священника».

Кроме отца Кукши батюшка находилась в постоянном духовном об-

Схиигумен Митрофан

Воспоминания духовных чад о иеромонахе Серафиме (схиигумене Митрофане)

щении с матушкой Михайлой, схиимонахиней Антониной и отцом Иоасафом. Общались они и через духовных чад. Иногда приезжали друг к другу, чтобы повидаться лично.

К отцу Серафиму ехало очень много народу, и он принимал всех. Никто не уходил от него без утешения – скорби как рукой снимались. Говорил он мало, быстро, будто чувствует, только успевай слушать. Ска-

ных, одержимых. Они кричали на разные голоса – можно было подумать, что в церкви лошади и собаки. Когда батюшка проходил с кandelом по церкви, они кричали: «Косматый, сжег нас огнем! Выйдем, выйдем, не мучь нас! Набрал, косматый, полный храм, а мы все равно перетянем их в свой клуб». А когда они подходили ко кресту, то кричали: «Не боимся тебя! Не боимся!» Но схиимонахики глумились на них строго или показывали крест – они падали и лежали, как мертвые.

Часто приезжали болящая Раиса двадцати пяти лет. В храме она была руками о пол и кричала: «Зачем ты, Раиса, сюда приезжаешь?! В Москве, в Павловске и других церквях тебе было лучше, чем у этого косматого!» Но батюшка в таких случаях юродствовал и себя не выдавал.

Однажды приехали из района двое от властей посмотреть, что это за священник, о котором так много разговор идет среди людей. Батюшка, провидя это, выбежал из алтаря и стал суетиться, бежать, шуметь, потом начал ругать одну матушку на клиросе... Приехавшие, посмотрев на это, сказали: «Нам говорили, что он святой, а тут, как видно, большой из Орловки!» – и ушли.

В келье у отца Серафима было много икон, день и ночь перед ними горела лампада. Батюшка благословлял своим келейным, чтобы они обязательно мыли руки перед тем, как заправлять лампадку. Зажигать ее надо было с молитвой: читали «Богородице. Дено, радуйся». От лампадки, опять же с молитвой, растапливали печку – у батюшки была большая икона Матери Божией «Умление», и от нее обычно зажигали.

Архимандрит Василий (сын Макарий)

Схиимонах Митрофан

жет слово и убежит. Подбежит – опять скажет. Но эти немногие слова метко характеризовали то, с чем человек приехал. После разговора с батюшкой люди не шли от него, а летели, как на крыльях.

Во время службы батюшка был очень строгим, особенно, когда читал Евангелие. Однажды во время Херувимской песни рабы Божии Фекла и Анастасия видели батюшку стоящим на воздухе.

В праздничные дни храм был полон народа. Много приезжало боль-

¹ Воронежская епархиальная епархия, Большая Иконка.

Каждый день рано поутру, сестры, жонши с батюшкой, вычитывали утренние молитвы, полунощницу, три канона и акафисты – Спасителю и Матери Божией – и потом расходились по послушаниям. А матушка Пансия (старшая батюшкина келейница) оставалась вычитывать еще утреню, обедницу, часы и акафист Николаю Угоднику. Если же был праздник, и сестры стояли в храме на литургии, то утреню и полунощницу вычитывали в церкви.

Батюшка был наделен от Бога прозорливостью – он видел сердца человеческие, прозревал настоящее, будущее. Примеров этому очень много.

Прозорил однажды такой случай. Раба Божия Анисья часто приезжала из Грязей в церковь к отцу Серафиму. Однажды она привезла с собой молодого парня Георгия, чтобы он получил от батюшки наставления, как спастись. Георгий в то время очень стремился к духовной жизни, много молился, часто ходил в церковь. Батюшка задал ему вопрос:

– Ты пьешь?

– Нет, не пью, – был удивленный ответ.

– А я пью, – сказал батюшка. – Да так пью, что напьюсь и валюсь на дороге. А потом пью, что понадеет: мажут, керосин.

Георгий принял его слова за истину, смутился и стал укорять Анисью, что привезла его к пьянице. Тут же они уехали. Через малое время Георгий зашел, стал валиться по дорогам, пить мажут и керосин и, в конце концов, умер пьяный под забором.

Приездала однажды матушка Пеняга в Ячейку на праздник. Батюшка спрашивает:

– Приехала?

Отозвалась потом вернулась и говорит: – А езден к Василье заклонылся – багисты замучили, мешают в церковь ходить, увлекают к своему веру, расхваливают ее... А ты не слушаешь их, Пелагея!

– Простите, батюшка, ведь это меня багисты замучили – расхваливают своего веру. А я все забываю Вам повиноваться.

Батюшка часто как бы рассказывал людям к себе, но иногда и прямо обличал их в грехе или страсти.

Как-то прислали к нему из Почаева четверо монахов, а один из них говорит: «Зачем мы сюда приехали? Тут ни святых нет, ничего! Чего мы тут не видали?» Батюшка в это время служил литургию. Закончил, пришел и, ни к кому не обращаясь, произнес: «А зачем мы сюда приехали? Тут никакого святых нет, ничего». Монах промолчал. Батюшка ему говорит: «Иосиф, ты женишься». И через неделю тот и вправду женился.

Схиумени Митрофан
Схимонахи Серафим и Микола

Если отец Серафим прозревал, что кто-то ведет неправедную жизнь, то обличал, не скрывая на лица.

Один раб Божий приехал к отцу Серафиму, а батюшка его и спрашивает: «Хорошо в туалете-то водку пить?» Тот упал к нему в ноги: «Батюшка, простите меня!»

Шли как-то батюшка Серафим, отец Варсонофий, отец Иаков из Почаева и раба Божия Мария – одна из батюшкиных келейниц. Около Больших Ясырок, им нужно было переодеть лошину. Отец Варсонофий ее перепрыгнул, батюшка перешел, а отец Иаков туда-сюда, туда-сюда – и ни с места. Тогда батюшка Серафим обернулся и говорит ему: «Не монах! Такую маленькую лошину – и ты не можешь перейти, боишься! Бога надо бояться!» И прибавил: «Такие архиереи не бывают». – а отец Иаков очень хотел быть епископом. Но так и не пришлось ему стать архиереем.

За несколько лет вперед предсказывал батюшка митруше Пелагее, что дочь ее Раиса будет монахиней. Раиса хотела пойти в монастырь, но тогда еще работала дояркой, а в то время очень трудно было получить справку о выписке. Батюшкины слова всегда сбывались – и теперь вот уже 20 лет, как Раиса – насельница Пюхтинского монастыря. Сейчас она монахиня Мелетия.

Однажды подошла к батюшке под благословение духовная его дочь Александра, а он слегка стукнул ее рукой по голове и сказал:

– Что ж ты, глупая, сравнила духовную радость с мирской! Ведь как Небо и земля различны. Духовная радость, как молния сверкает и всю тебю озарит.

– Простите, – сказала Александра. – Действительно, в однажды подумала: что это за духовная радость? Много пишу о ней, говорю, Неужели, думаю, это та же радость, как и в миру, когда, например, купишь вещь по нраву, когда похвалит тебя или когда оценю хорошую покупку? Спросить – не спросила, так и осталась. Спасибо, Вам, что ответили на мой вопрос.

Я уж почти и забыла о нем.

У рабы Божией Марии дома случился пожар. Через год умер муж. Осталось семеро детей. Бедность была страшная: есть нечего, одеть нечего. Хотела она руки на себя наложить, но пришел батюшка с послушником, утешил, упрямил за помыслам, помог материально и сказал, чтобы не скорбела: все будет хорошо, и дети вырастут примерные. Так и сбылось.

Батюшка Серафим все, что ему приносили духовные дети, раздавал милостынцам, сиротам, вдовам. Одевался бедно, а на милостыню был щедрый, но больше делал это втайне. Часто помогал бедным и молитвою.

Жила в соседнем сесте раба Божия Мария с мужем. У них было восемь детей. Отец Серафим очень любил их семью и часто бывал у них в гостях. Приходит однажды, а Мария напари-

ли шпена и стала угощать любимого батюшку. Отец Серафим знал, что им самим нечего есть, и стал отговариваться, но его уговорили. Тогда он взял крупу и перекрестил со словами: «Да уможит вам Господь». Прошло много времени, а шпена в их семье все не кончалась. Появилась тогда Мария с мужем, что это произошло по молитве отца Серафима, и стали благодарить Господа.

Батюшка часто навещал своих духовных чад, живущих не только в Ячейке, но и в соседних селах. Скажет, бывало: «Пойду к ним. Что-то у них неладно». После его прихода на душе оставалась радость, а все скорби и невгоды быстро проходили.

Отец Серафим был очень доблестный и простой, но вместе с тем и строгий: чадам не благословлял даже улыбаться. Иногда он специально рассказывал смешные истории: испытывал своих послушников и послушниц – сам себя строго вел и других к тому же приучал.

Однажды, идя на требы со своим послушником, батюшка сказал: «Какая сейчас девушка прошла: косая, кривая?» Послушник тут же откликнулся: «Да нет, батюшка, она не кривая». Тогда отец Серафим спрашивает: «А зачем ты на нее смотрел, а? Вот вернемся домой – на поклонные». Но очень сурово батюшка не наказывал.

Одну из своих келейниц батюшка как-то спросил: «Кто там приехал?» Она ответила: «Кажется, Николай». Тот вошел, а оказалось – Виктор. Батюшка ей и говорит: «Что ж ты не видишь, не разбираешься, кто пришел?» А она отвечает: «Батюшка, да они мне оба одинаковые!» Он сказал: «Так и нужно поступать», – это было наизусть другим его чадам.

Отец Серафим старался воспитать в своих келейниках безрассудное послушание. Пришли как-то фотографировать, а он велит одной своей духовной дочери:

– На тебе мой посох – иди, фотографируйся.

Она удивляется:

– Батюшка, с Вашим посохом? В мирском платье и с посохом?

– Раз я тебя благословляю, то так и иди!

Когда к нему приходил новый послушник или послушница, батюшка всегда знал, что из них получится. Иной раз скажет: «Этот Иван ни людям, ни нам», – значит, не будет от этого человека толку.

Как-то шел отец Серафим с послушником на требы и помахивал вправо-влево хворостинкой, что была у него в руках. Послушник удивился: «Батюшка, чего это ты так делаешь?» А он ему и отвечает: «Эта твоя жизнь такой будет – влять станешь». Батюшкины слова оказались пророческими.

К тем из сестер, кто был уже постарше, батюшка относился строже, больше требовал. Однажды одна из них легла отдыхать на пеньку, а отец Серафим очень не любил, чтоб нежались – он и намазал ей губы гор-

чишей. Она проснулась и не поймет, что с ней: «Ой, да что же это такое?» А батюшка улыбается и спрашивает: «Матушка, что там с тобой?» Она в ответ: «Да никак понять не могу!» А отец Серафим говорит: «Ты спать спишь, а молитесь-то не молись – вот тебе, видно, и приключилось».

Однажды отец Серафим шел с алтарницей матушкой Геронтией с своим духовным чадам в другое село. Шли они по пшенице, идти было трудно, стелби мешали ногам. Тогда отец Серафим перекрестил путь, сказал: «Растутитесь», – и пшеница полетела на обе стороны.

Как-то пошли они с матушкой Геронтией причащать больного. Около дороги паслось стадо гусей. Увидев батюшку, гуся нагнули шеи к земле, но не шипели – будто кланялись. В ответ на удивление матушки отец Серафим сказал, что гуся поклонились не ему, а Господу, потому что он нес Святые Дары.

Батюшка очень много ходил на требы – в свое и соседние села. Всегда брал с собой кирзовую сумочку и клал туда, помимо необходимого, еще чеснок и лук. Если у кого-то должны были в скором времени какие-либо скорби, он приходил к ним, выкалывал на стол чеснок, лук и отправлялся дальше. Люди, уже зная, к чему это, говорили ему: «Батюшка, да не надо. Не надо». А он в ответ: «Без этого не живут».

Батюшка поучал: «В недолгую жизнь нужно справлять у детей». Однажды ему надо было причащать больных, которые жили в противоположных концах села. Один из них был пожилым мужчиной, а другой – мальчик двенадцати лет. Не зная, куда сначала направить свой путь, батюшка спросил силовых при дороге мальшей: «Детки, куда мне идти? В эту сторону или в ту?» Дети ответили: «Дедушка, туда не ходи, а вот сюда иди», – и показали в ту сторону, где жил мальчик. Отец Серафим пошел, куда указали дети, причастил мальчика, пособоровал его, и тот тут же умер.

Когда отец Серафим был в Задонске, приехала к нему духовная дочь Анастасия с сестрами. Поговорили они с батюшкой и пошли в церковь. Как раз был праздник Крещения. Отец Серафим велел им до вечерней службы из храма не отлучаться, чтобы не ходить к нему толпой и не вызывать подозрений. Но после литургии церковь попросили освободить, и сестрам пришлось бродить по Задонску, чтобы убить время. Они заходили то в магазин, то на остановку, а сами боялись, как бы не увидел батюшка. Приходит вечером в храм, а они и говорят им: «Девчата, как я устал – целый день шатался по городу! Да думал, как бы арлеерей не увидел – что скажет?»

(Продолжение следует)

иларет Милостивый, будучи уже именным вельможею в Царьграде, однажды говорит своим семейным: «Хотелось бы мне приготовить хороший обед, да позвать в гости самого государя со всеми знатными его вельможами. Что вы на это скажете?»

Понятное дело, что домашние его были очень рады видеть у себя таких дорогих гостей, и со всем усердием взялись за изготовление всего нужного для пира. А праведный старец между тем пошел по городским улицам и переулкам и набрал там до двухсот нищих и калеков; тут были и слепые, и хромые, и вовсе безногие, были и старики беспомощные, и всякие несчастные, даже зараженные проказою, — всех их милостивый хозяин привел за собою к воротам своего дома. Сказав им, чтобы они подождали его тут, он входит в дом и говорит домашним: «Царь идет и вельможи с ним; все ли готово у вас?» Когда ему отвечали, что столы накрыты, кушанье готово и все в порядке, Филарет приказывает своему сыну, — а сын у него был в то время уже важным сановником при царском дворе, — и внукам своим, чтобы они не позволяли рабам служить при столе, а сами бы прислуживали таким знатым гостям. Затем он подходит к окну и рукою подает знак, чтобы нищие и калеки шли в его палаты. И вот, вместо царя с вельможами, к нему пожаловали вельможи Царя Небесного, бедные и беспомощные, а среди них невидимо посетил дом милостивца и Сам Господь, Царь Небесный, Который Своими пречистыми устами изрек: *«Видно ли тебе, как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали мне (Мф. 25, 40).* И с каким радением, с какою любовью кропотлив старец угощал своих дорогих гостей! Мало того, что он всех их накормил: он дал каждому из них еще по злитнице на дорогу. Так исполнил он заповедь Спасителя: *«когда делаете обед или ужин, не зови друзей твоих, ни братьев твоих, ни родственников твоих, ни соседей богатых, чтобы и они тебе когда не повалили, и не получишь ты воздаяния. Но, когда делаете пиру, зови нищих, увечных, хромых, слепых, и блажен будешь, что они не могут воздать тебе, ибо воздастся тебе в воскресении праведных (Лк. 14, 12-14).*

ВЕЛЬМОЖИ ЦАРЯ НЕБЕСНОГО

Блажен, кто помышляет о бедном (и нищем)! В день бедствия избавит его Господь. (Пс. 40, 2).

И хорошо рассудил праведник, когда несчастных бедняков назвал вельможами Царя Небесного; много могут у Господа Бога эти вельможи — нищие и убогие своими молитвами! Уж в какой вышете находились сам праведный Филарет: случалось — на стол нечего было подать; но по молитвам тех бедняков, с которыми он делился последним куском хлеба, Бог благоволил его таким счастьем, о котором ему и во сне никогда не мечталось: Филарет сделался делом самого императора греческого, который женил-

ся на его внучке родной! И мало ли подобных рассказов мы читаем в жизнеописаниях людей богоугодных! Много может молитва праведника за грешника, но не меньше может и молитва бедняка за благодетеля. И особенно дорога эта молитва тогда, когда благодетелью грозит какая-нибудь опасность, какая-либо беда. Вот тут-то нищие и убогие своими молитвами могут сделать гораздо больше, чем все вельможи земные. В книге «Луг Духовный» есть такой рассказ одного Тирского купца по имени Мохс: «Когда я был сборщиком пошлыны в таможене, в поздний вечер пошел я купаться, и на дороге увидел женщину, стоявшую в темноте и подошел к ней. Она в слезах громко вскрикнула: «Горе мне несчастной!» Я содрогнулся и спросил ее, что это значит? Она, заплакав слезами, от-

вечала: «Муж мой, купец, потерял кораблекрушение и лишился всего, и своего, и чужого, и находится в тюрьме за чужое. Я, не зная что делать, и как добыть ему хлеб, решила отдать тело свое на безчестье, чтобы как-нибудь иметь хлеб; ибо все у нас расхищено. Я спросил ее: «Как нелик долг его?» Она отвечала: «Пять фунтов золота». Я взял золото и, отдавая ей, сказал: «Вот, отдай золото, выкупи мужа своего, и молись за меня». Спусти несколько времени, дошла к царю клевета на меня, будто я расточил все, производя торговлю. Царь послал отобрать в казну дом мой, а меня самого взяли в Константинополь и посадили в темницу, где я долго пробыл в одной легкой рубашке. Я каждый день слышал, что царь хочет лишить меня жизни, а потому отчаявался в жизни своей. Раз в слезах и скорби я заступил и вынул как бы ту женщину, которой муж был некогда в темнице; она говорит мне: «Что с тобою, господин Мохс? За что ты содержанешься здесь?» Я отвечал: «Меня ослепели, и думаю, что царь умертвит меня». Она сказала мне: «Хочешь ли, я поговорю о тебе с царем, и он отпустит тебя?» Я сказал ей: «А знает ли тебя царь?» Она отвечала: «Знает». Затем проснулась я, и недоумевая, что такое? Но когда я хлестал, она опять во второй и в третий раз говорила то же: «Не бойся — он завтра тебя освободит». На рассвете, по повелению царя, взяли меня во дворец. Когда я вошел, царь сказал мне: «Я прошью тебя, только исправься». Он велел возвратить мне мое имущество, и сделал меня даже начальником области. В ту же ночь явился мне опять та женщина и сказала мне: «Знаешь, кто я? Я — та самая, которой ты оказал милость, боюсь Бога. Вот и я освободила тебя от опасности. Видишь человеколюбие Божие: как Он чрез меня, которой ты оказал милость, явился к тебе милосердным!»

Не забывайте вельможи Царя Небесного, явных благодетелей — нищих и убогих; они много могут у Господа Бога!

(Третье издание №145)

«Наставниче! добро нам zde быти»...

Ак. гл. 9, ст. 33

Незримо вся мени по жизни,
К добру дорогу направляя,
Мне Богом посланный Хранитель,
От всех и вся оберегая.
Он разгоня смутные тучи
И просвещал святой Любовью.
Он — мой Помощник самый лучший
Укроет нежно добротой,
Утрит слезинки, успокоит
И вновь зажжет живую веру,
И душу радостью наполнит,
Научит он благому делу.
Мой Ангел чистый, белоснежный,
Прекрасный рыцарь из Небес,
Прости меня за грех крошечный,
Непроходимый темный лес.
О, помоги! К тебе взываю,
Будь Г Путьводною Звездой.
Ведь больше друга я не знаю,
Чем быстрый, скорый Ангел мой.

* * *

Лишь к Тебе я прибегаю
В бедах, горестях моих,
Лишь к Тебе, Владычица, и знаю —
Много милостей Твоих.

Ты меня хранишь под кровом
Благодати и любви.
Ты меня питаешь словом
Вечной Божией Любви.

Ты — Заступница, Царица!
Ты — Печальница моя!
Я же — грешная, блудница!
Как черна душа моя!

Ты ж в смиренни взираешь,
Указуя на Христа,
И все время призываешь
Не бросать в пути Креста.

Верю и надеюсь, казось,
И молюсь Тебе — в пути
Верной Богу да останусь!
Пресвятая, помоги!

Е. Х.

Т. Соборная

«Наставниче! добро с Тобою
Нам быть здесь, на горе святой!» —
Воскликнула пламенной душою
Апостол Петр, избравник Твой.
«Позволь поставить здесь три сени:
Тебе, Илье и Моисею,
Чтоб нам остаться навсегда
С Тобою, Светом Божествен!»
О, Петр святой! Ты сам не ведал,
Что твой язык тогда ведал:
Объявляя пламенною верой,
Ты весь в восторге исчезал!
Горит душа твою святая
Любовью чистой ко Христу;
И, никаких преград не зная,
Летит в объятия к Нему!
О, поделись же с нами верой,
Святой апостол, друг Христа!
И каплей той любви безмерной
Ты ороси наши сердца!
Пусть и они пред Ним прольются,
Как воск пусть тают и горят,
Пусть чувства все в одно сольются
И молча — громко говорят:
«Наставниче! добро с Тобою,
Нам возжаденно, сладко быть!
О, даждь любить Тебя душою,
С Тобою неразлучно жить!»

Т. Леушинская

Подойду с надеждой к Святой Чаше,
Поделую в радости Попир:
Пусть душа в смиренни обращет
И покой, и тишину, и мир.
Только бы Создатель не замедил
Мне Свое прощение подать,
Чтобы зло, что делаю и невольно,
В Книге Жизни стерла благодать.

М. Баранов

БОСОЙ И БЕЗНОГИЙ

Усталый бедняк возвращался с работы и сел передохнуть напротив большого дома. Шел он босиком и сильно натер ноги. Поглядел он на дом и подумал: «Должно быть, богат хозяин, если такой дом построил».

К дому подъехала карета, запряженная дорогими лошадьми. «Видишь, на каких лошадях развезают, и сапоги на нем верно хорошие, а я вот босой хожу», – подумал бедняк. – Бывает же людям счастье!»

Тут карета подъехала к самым дверям дома, выбежали слуги встречать хозяина. Подбежали, раскрыли дверцы кареты, вытащили хозяина и на руках понесли его в дом.

Бедняк посмотрел и ужаснулся: богатч был безногим калекой.

МИРОЛЮБНЕ

В одной обители подвизались два благочестивых старца, которые мирно жили вдвоем в одной келье. Никогда между ними не возникало ни малейшего недовольства.

Однажды один старец обратился к другому с такими словами:

– Я давно хочу понять, как это люди ссорятся друг с другом. Давай попробуем хоть раз поссориться!

Другой отвечал:

– Я вовсе не знаю, с чего может начаться ссора.

Тогда первый старец предложил:

– Давай, я поставлю посреди нас глиняную посуду и скажу: «Она моя». А ты мне возразишь: «Она не твоя, а моя». Из этого начнется спор, а из спора родится ссора.

Сговорились они так поступить и поставили посуду между собой.

Один из них сказал:

– Она моя.

Второй, как договорились, ответил:

– А я так полагаю, что она моя.

Первый опять сказал:

– Не твоя она, а моя.

Тогда второй подумал и не нашел ничего кроме как – сказать:

– А если она твоя, то и возьми ее.

Так и не смогли они достичь того, чтобы поссориться.

Про́сьба не использо́вывать газету́ в хозяйственных целях

Просим желающих возможность оказать благотворительную финансовую помощь на издание альманаха «Задонский паломник». Делать высылать на адрес монастыря с пометкой: «На издание "Задонского паломника"».

Желающим можно высылать альманах «Задонский паломник» по почте. Для этого просим присылать свои заявки на адрес монастыря с пометкой: «Для "Задонского паломника"».

При переписке ссылка на «Задонский паломник» обязательна

399200, Липецкая обл., г. Задонск, ул. Коммуны, 14,
Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь, тел. 2-49-55
выходит с 2000 г. Тираж 990 экз.

*И.И. Горбунов-Посадов
"ИСТОРИЧЕСКОЕ ИСЦЕЛЕНИЕ
и другие правдивые истории"*

В ПУТИ

Горел с детства и поныне
Часто, густо перевит,
Посреди немои пустыни
Путь мой горестный лежит.
Сердцу все кругом чужое —
Скалы, камни да песок...
Я иду сам-друг с клюкою
Безприютен, одинок.
Где конец пути-дороги —
Не дано мне отгадать,
Только чувствую, что ноги.
Стали что-то уставать.
Только вижу, что морщины
Сеть сплетают на челе,
Что от горя да кручины
Наклоняюсь я к земле...
Боже, силы ослабели!
Сам дойти мне помоги,
На пути к желанной цели
Мне хоть звездочку зажги!

Ф. Пестряков